

18+

Автор проекта
Рустэм Любовский

ЧЕРНОГОЛОВКА — НОРИЛЬСК, ДАЛЕЕ ВЕЗДЕ...

История стройотрядного движения

Рустэм Любовьский

**Черноголовка – Норильск,
далее везде... История
стройотрядного движения**

«Издательские решения»

Любовский Р.

Черноголовка – Норильск, далее везде... История стройотрядного движения / Р. Любовский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-622722-4

Эта книга — сборник свидетельств ушедшей эпохи из воспоминаний людей, в те далёкие годы приехавших из разных уголков нашей Родины в новый, только что образованный научный центр, которому за короткое время суждено будет стать одним из форпостов научной мысли Советского Союза, а в 60—80 гг. и источником движения множества стройотрядов с активными и творческими участниками — работниками и молодыми учеными в период отпусков на стройках страны от Калининграда до Курил и родного дома — Черноголовки.

ISBN 978-5-00-622722-4

© Любовский Р.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Павел Любовский__ Введение	8
Черноголовка	10
Павел Любовский__ Не ищите жемчужину	11
Валерий Коржов__Черноголовка. Краткие сведения и история поселения «Черноголовль»	13
Михаил Дроздов4__ ЧЕРНОГОЛОВКА – 1969 и около того	15
Олег Ефимов5__ Черноголовка. Начало. Стиль жизни	24
Вячеслав Соляников6__ Черноголовка. 60-е	27
Черноголовка 60-х	29
Пояснения В. Соляникова к песне « Черноголовка 60-х»	30
Павел Любовский__ Взгляд на Черноголовку представителя первого рождённого здесь поколения	31
Норильск	38
Рустэм Любовский_ Так начинался Норильск	38
Вячеслав Соляников__ Толковый Норильско – железнодорожный словарь 1-ой черноголовский бригады 1969 года	45
Вячеслав Соляников__ Мой Норильск (воспоминания)	50
Олег Ефимов__Норильск 1969	65
Альфа Иванович Михайлов8__ Норильские жарки	71
Татьяна Невельская__ Норильск, 1970	73
Норильск, Хабаровский край – п. Чкаловский, берег Чёрного моря	74
Варган Бостанджиян9__ Мы в 1969 году за 69 параллелью по глобусу Земли	74
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Черноголовка – Норильск, далее везде... История стройотрядного движения

*Посвящается Черноголовцам – участникам
стройотрядовского движения по всему Союзу 1960 – 1980-ых годов*

Автор проекта Рустэм Любовский

Редактор Татьяна Воскресенская

ISBN 978-5-0062-2722-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

В 2019 году состоялся юбилейный вечер, посвященный 50-летию начала стройотрядовского движения в Черноголовке – более четверти века многочисленных поездок во время летних отпусков по всему Советскому Союзу за заработком и «...за запахом тайги». Выступающие, в то время молодые как и сама Черноголовка, толпой стояли у микрофона, чтобы поделиться впечатлениями о тех временах.

Это были очень интересные времена! И на этом же вечере было принято решение издать книгу воспоминаний о них. Однако с тех пор прошло более 50 лет, вспоминать детали оказалось сложно. И все-таки книга вышла!

Карта летних поездок авторов этой книги по СССР в течение более четверти века. В ней не учтены сотни других неавторизированных поездок. Составлена В. П. Коржовым¹

Я выражаю глубокую благодарность соавторам и тем, кто откликнулся и поддержал создание этой книги:

Лидии Анциферовой, Варгану Бостанджияну, Жанне Грабовской, Вячеславу Грачеву, Николаю Дракину, Михаилу Дроздову, Олегу Ефимову, Александру Жаркову, Андрею Ионову, Дмитрию Кириюхину, Николаю Классену, Валерию Коржову, Георгию Комратову, Павлу Любовскому, Льву Машкинову, Владимиру Матюшенко, Альфа Ивановичу Михайлову, Татьяне Невельской, Наталье Перепёлкиной, Валерию Разникову, Вячеславу Соляникову, Зое Савельевой, Олегу Стрюкову, Валерию Ткачеву, Вячеславу Узенскому, Альберту Тимирбаеву, Юрию Шульге.

Особую благодарность хочу выразить главному редактору этой книги, выпускнице Физтеха 1966г., Татьяне Воскресенской². Она автор распространявшейся в прошлом году в Черноголовке книги «Физтех. Романтики. Ненаучная жизнь физтехов» и главный редактор ряда

¹ Валерий Поликарпович Коржов, к. техн. н.

² Татьяна Николаевна Воскресенская, к. техн. н., лауреат Гос. премии

книг друзей. Книга посвящена первым поколениям Физтеха, талантливым не только в науке, среди которых много черноголовцев. Узнав о сборе материала для нашей книги, она предложила свою помощь, которую мы с благодарностью приняли. Спасибо тебе, Татьяна.

Павел Любовский__ Введение

Тринадцатый наукоград России – порождение Красного проекта. На границе тайги, простирающейся до самого севера и южных лесостепей, и степей в 1956 году с нуля был заложен небольшой посёлок, в который съехались сотни и сотни молодых работников, научных сотрудников со всего Союза. Инициатива академика Н.Н.Семёнова и Ф.И.Дубовицкого выплеснулась в пространство и позволила за короткое время сформировать мощнейший плацдарм научной мысли и творческой её реализации. Созидание, инициатива, творчество – это стихии, которыми было пропитано пространство появившейся Черноголовки

Книга, которую ты, читатель, сейчас держишь, перенесёт тебя в далёкие времена 60-х – 80х годов существования Советского Союза, в годы, когда на историческую сцену страны выходило поколение шестидесятников, поколение, рождённое в предвоенное и послевоенное время, чьё детство пришлось на тяжёлые для нашей страны годы восстановления народного хозяйства, и, соответственно, воспитавшее в детях того времени умение трудиться, умение справляться с жизненными задачами и трудностями, умение жить в коллективе, что позволяло решать грандиозные задачи развития страны.

Эта книга, составленная из воспоминаний многих людей, – сборник свидетельств ушедшей эпохи. Авторы – научные сотрудники институтов Черноголовки, что находится в Подмоскowie, в те далёкие годы приехавшие из разных уголков нашей Родины в новый, только что образованный научный центр, которому за короткое время суждено будет стать одним из форпостов научной мысли Советского Союза. О научных гранях жизни Черноголовки написано множество свидетельств. Об истории становления филиала Института химической физики, с которого и началась жизнь города, об истории возникновения других институтов, о строительстве посёлка Черноголовка и жизни его обитателей написано множество воспоминаний. Но до сих пор не была освещена одна из ярчайших страниц жизни города – движение «шабашников».

Как и первая образованная основателями города Николаем Николаевичем Семёновым и Фёдором Ивановичем Дубовицким в 1956 году лаборатория горения и взрыва так и зажжённая Любовским Рустёмом Брониславовичем в 1969 году инициатива взорвалась безудержным движением стройотрядов Черноголовки, в течение четверти века бороздивших просторы нашей необъятной страны. В первой поездке, организованной в июле 1969 года в г. Норильск, выяснилось, что ударный труд работников и молодых научных сотрудников Черноголовки в течение сорокадневного отпуска принёс каждому из них заработок, почти в десять раз превышающий заработок того же молодого научного сотрудника Черноголовки в родном институте. В связи с чем, начиная с этого года, на лето город пустел. Так как почти всё мужское население, а надо сказать, что кроме научных институтов и завода, выполняющего технические задачи этих институтов, других предприятий здесь не существовало, разъезжалось по дальним углам страны «...за деньгами и за запахом тайги». Можно долго перечислять территории, города и посёлки, обустроенные умелыми руками научников Черноголовки. Это и Дальний Восток до Курильских островов, Певека и Уэлена. Это и Средняя Азия, Кавказ и Калининград. Это наше Нечерноземье, побережье Черного и Белого морей. Конечно, Норильск, ставший отправной точкой стройотрядного движения. И многие, и многие другие точки нашей страны.

Конечно, книга наполнена духом того времени. Это было время коллективизма, взаимопомощи. Это время было наполнено духом романтики, любовью к людям и природе. В книге вы встретите как много подробных описаний производимых работ, так и много свидетельств о быте тех времён. Сможете оценить характер взаимоотношений «шабашников» между собой, и с местным населением. Встретите множество свидетельств, характеризующих те далёкие времена. Книга составлена по воспоминаниям уже далёких во времени событий. Они разные

по объёму и стилистике. Но все вместе эти главы составляют лоскутное одеяло воспоминаний об одной из удивительнейших страниц истории нашей любимой Черноголовки. Итак...

Черноголовка

Черноголовка. 80-е. Фото из архива А. П. Жаркова³

³ Александр Петрович Жарков – к. физ.-мат. н.

Павел Любовский __ Не ищите жемчужину

Мне пейзажи родимые дороги.
Обойди всю страну и проверь,
Не найдешь ты научного города
Нашей Черноголовки милей.

Распустилась научным соцветием
У подножия священных холмов.
И сияет у сердца Отечества
Фолиант дочерей и сынов.

Ты, рождённая красным смещением,
Стала гордостью нашей страны.
Неизвестность взрывая, с горением
Светят лучшие в мире умы.

Николай Николаич Семёнов
Твою участь навеки избрал,
Породив радикал освещёнки,
Он к научным вратам приковал

Щит в цепях разветвленных реакций.
В руководстве проекта стоит
Дубовицкий Фёдор Иваныч.
Город в бронзе их память хранит!

Сплав науки, искусства и творчества
Всех гармоний и сильных полей.
И не мыслимы принципы зодчества
Апогея орбиты твоей.

Потому, что во всех поколениях
Изотропен твой потенциал,
Постигающий в вечном движении
Бесконечности факториал.

Здесь предельную массу покоя
Интеллект поселковый хранит,
Где учёные, часто по трое,
Вдохновенно терзают гранит

Всех наук, где дождутся любимые
Аналитиков разных основ,
Докторов всех твоих проводимостей,
Всех твоих многодетных отцов.

Нет на свете прекраснее участи,
Быть мезоном структуры твоей.
На фрактальной поверхности случая
Не ищите жемчужин ценней.

Валерий Коржов__Черноголовка. Краткие сведения и история поселения «Черноголовль»

Краткие сведения о современной Черноголовке. Черноголовка – это небольшой город с населением около 22 тысяч жителей, расположенный на северо-востоке Московской области в 40 км от восточной окраины Москвы.

Сама же деревня Черноголовка (или Черноголовль, или Черноглавлъ) появилась на древнем тракте «Суздаль – Москва» и была отмечена на картах XIV века. Но первое летописное упоминание о «Черноголовле» относится к 1401 году. Научный центр был образован в 1956 году.

В настоящее время в городе находятся десять учреждений и институтов РАН, готовящих студентов учебных институтов и университетов к научной и преподавательской деятельности. При них действуют базовые кафедры МФТИ, МГУ, МИСиС. В институтах Академии наук Черноголовки сложился преподавательский состав, готовящий кадры для университетов, институтов РАН и предприятий высоких технологий.

История поселения «Черноголовль». Название «Черноголовка» появилось ещё в древние времена. О происхождении и «жизни» поселения существует немало легенд. Как и древнее поселение, местность, окружавшая современную Черноголовку, называлась «Черноголовль» (или «Черноглавлъ») и была знаменитой ещё со времён Ивана I в XIV веке. Дворцовая волость Черноголовль являлась самой старинной волостью не только в своём крае, а, пожалуй, и во всём Московском государстве.

Волость Черноголовль впервые упоминается среди прочих дворцовых сел и волостей в духовной грамоте великого московского князя Ивана Калиты, написанной перед его поездкой в Орду. Это было в 1339 г.

В XIV—XVII столетиях волость Черноголовль была самой лесистой в ближайшем Подмосковье и, поэтому, для московских князей слыла излюбленным местом охоты или, так называемых, «потех», которые были, для тех времен, традиционными видами «отдыха» богатой знати Москвы и её окрестностей. Главные «потехи» были в соколиной охоте и в облавах на медведей и лосей, в избытке тогда водившихся в наших лесах.

Само поселение Черноголовль впервые упоминается в русских летописях того же XIV века. Первое летописное упоминание датировано 1401 годом.

Возникновение Черноголовки непосредственно связано с Москвой, с периодом усиления её роли в общерусской политике. Это было не случайно, потому что, как и древняя Москва, Черноголовка возникла на торговом тракте, который соединял древнюю Суздаль, что была столицей Восточных Русских Земель, со Смоленском, который был столицей Западных Русских Земель.

Уже позднее, в XVII—XIX веках, эта дорога стала называться «Стромынкой». К тому же Черноголовка была расположена примерно в 3-х верстах от «Крестов». Это было местом пересечения Стромынки с Троицким трактом, связывавшем село Рогожи (с 1781 года – город Богородск, а в наше время – Ногинск) со знаменитым до нашего времени Троице-Сергиевым монастырём, который находится сейчас в Сергиевом Посаде. Вспомним, что при Советской власти этот город назывался «Загорском».

Но в конце XVIII века Стромынский тракт пережил второе рождение – к северо-востоку от Москвы возник новый Иваново-Шуйский промышленный район. Множество лошадей тянуло возы с сырьём по Старой Стромынской Дороге. В Черноголовке тогда находился постоянный двор и ямская станция. Со временем постоянный двор вырос в небольшую деревню Черноголовка.

В 1956 году рядом с Черноголовкой был образован Научный центр, теперь ставший крупнейшим в Подмосковье центром исследований в области физики и химии.

А древняя Стромынка пережила, в связи с этим, своё третье рождение.

Сейчас многие туристические фирмы пользуются гостиничным комплексом в Черноголовке при организации экскурсий в старинные храмы и монастыри Северо-Восточной Руси XII – XV веков. Они находятся в 100—150 километрах от современной Черноголовки, стоящей на пути в Юрьев-Польский, Суздаль, Владимир, Переславль Залесский, Ростов Великий...

Михаил Дроздов⁴ __ ЧЕРНОГОЛОВКА – 1969 и около того

Мы приехали в Черноголовку с Физтеха чуть ли не 1 сентября 69-го. И нам очень понравилось в этом лесном, тихом и уютном поселке. С тех пор и живем здесь. Что представлял из себя тогда наш поселок? Все называли его поселком да и было в нем тысяч пять, максимум – шесть человек. Прикинул по количеству заселенных тогда домов, так примерно и получилось. Да. Но эти 5 или 6 тысяч первоначально почти все занимались наукой или обслуживали науку и были, можно сказать, особые – молодые, неугомонные. И не только поэтому. Брели в Черноголовку далеко не всех. Физтехи и выпускники МГУ составляли тогда большинство научных сотрудников в старожилах ФИХФ и в более юных ИФТТ, ИНХП, ИТФ и ИЭМ. Может быть, ещё и потому, что двое из первых четырех завлабов черноголовской Химфизики были сами физтехи, трое были профессорами МФТИ, Фёдор Иванович Дубовицкий был заведующим кафедрой, а в свое время был директором (еще тогда директором, не ректором) МФТИ, а Николай Николаевич Семёнов вообще был отцом-основателем Физтеха. Ну а МГУ есть МГУ, Физтех, кстати, тоже был его факультетом когда-то...

Фёдор Иванович Дубовицкий и Николай Николаевич Семёнов знакомят гостей из Москвы со строительством Черноголовки (фото из архива А. Жаркова)

Реально наука в Черноголовке существовала уже 10 лет – с 1960 года, когда запустили первый лабораторный корпус на первой площадке Химфизики. ФИХФ (после 1972 г. – ОИХФ) казался огромным, да таким и был, уже тогда на его территории находилось более чем 30 корпусов, больших и малых, и складов, в том числе ИНХП и лаборатория космохимии на второй площадке.

«Физика твердого тела» появилась в 1963 г. и только-только съехала в свое собственное здание с территории все той же второй площадки ФИХФ. Там тоже было полно физтехов, физфаковцев и сталесплавских (Ю.А.Осипьян кончал МИСиС). Вслед за ИФТТ появился ИТФ, очень многие из него работали совместителями у нас на Физтехе. Прямо в 1969 образо-

⁴ Михаил Сергеевич Дроздов, к. физ.-мат. н.

вался ИЭМ, там главенствовали МГУшники с геолфака. Брали в науку ещё хороших выпускников и из других хороших институтов – «Менделеевки», например, и МИТХТ – во все шесть тогдашних научных заведений Черноголовки. Стали появляться выпускники и студенты из Ростова, Томска, Саратова, Самары и др. городов. Завода, ИФАВа, базы Института Северцева и много другого ещё не было. Такой вот примерно расклад по вузам НИИ. И называлось все это с 1962 года ННЦ – Ногинский научный центр АН СССР. И никому в голову не приходило, что через 20 с небольшим СССР не будет, и АН СССР не будет, а будет РАН...

Наука в конце 60-х и все 70-е и даже 80-е годы была ключом. У нас свой не только жидкий азот, но и свой жидкий гелий, радиационные установки и ускорители, мощнейшие прессы, свои химические и плазмохимические реакторы, катализаторы, ЭПР- и ЯМР-спектрометры и другие, современнейшие по тем временам, приборы. В 67—68 в Черноголовке открыли фотопластический эффект, СВС, закон фотоэмиссии из металлов в электролиты, низкотемпературный предел химреакции. В 1969 г. и позднее получили генерацию в первом эффективном химическом лазере, химически фиксировали азот, окисляли органику, изучали полупроводники и металлы, органические металлы, полимеры, процессы горения и взрыва, экситоны, фононы, поляроны, неидеальную плазму. Лунный грунт и метеориты и пр., и пр. Закладывали основы рентгеновской оптики, моделировали на земле в спецустановках, что происходит в недрах Земли, где бурлит или бурлил гигантский геологический реактор. Теоретики ИТФ еще не перешли на струны, а занимались сверхпроводимостью, сверхтекучестью, тонкой гидродинамикой. Тяжелые прессы давили металлы и сплавы, превращая одни соединения в совершенно другие. Широким фронтом вскоре пошли работы по мощным лазерам. Почти во всех областях результаты были важны как для фундаментальной науки, так и для приложений.

Черноголовка вносила свой вклад в обороноспособность Державы, и мы в этом участвовали. А параллельно росло число кандидатов наук, все больше и больше защищалось докторских диссертаций. Появились «свои» членкоры, а потом и академики.

60-е года – строительство улицы Первая идёт полным ходом (фото из архива А. Жаркова)

Научная работа была главным занятием в Черноголовке, работали до ночи, а то и ночью, хотя никто не заставлял. Потому – что было интересно. У неостепенных был, конечно, и свой интерес. При всех недостатках, которых, естественно тоже хватало, то время в науке вспоминается как какое-то большое научное наступление, какое-то мощное вдохновение...

Это про науку, хоть очень кратко и общо. А поселок? Да, что представлял из себя тогда наш поселок – географически, материально (так сказать – бытово) и культурно?

Географически Черноголовка находилась, и никуда не делась, слава Богу, на северо-востоке Московской области в 43 км от МКАДа, в 57 км от Красной площади, в 21 км от Ногинска (о котором, впрочем тогда мало что знали и бывали там гораздо реже, чем в Москве). От нас всего км 15, если напрямик, до границы с Владимирской областью. Здесь узкое горло Московской области, поэтому и дачи стали давать москвичам во Владимирской области именно здесь, по Щелковскому шоссе. У нас в Черноголовке прекрасное озеро, тогда – без названия, просто «Озеро» и всё. Посредине его бил небольшой фонтан, а на северном берегу стояли

«Ласточки» или «Стрижи», кто как называл эту великолепную скульптуру. Вокруг был лес, где потемнее – с преимуществом ели, где посветлее – сосновый. Березы везде много, конечно. Летом было жарко, купались в озере, чистом, прозрачном. Зимой все покрывал снег, а на снегу в те годы было множество следов зверей, всяких – но больше – зайцев. Теперь – только известные «следы» многочисленных прогуливаемых собак.

Административно мы находились на территории Ногинского района, но про Ногинск до поры до времени почти не слыхали, для многих из нас он тогда просто не существовал. Существовала как бы одна большая-большая Москва – «МФТИ – Москва – Черноголовка». Народ в Черноголовке был со всего Союза, но с северных по отношению к Москве областей, как казалось, было гораздо меньше, чем с юга. Люди местного происхождения жили еще в основном по своим деревенским домам в деревне Черноголовке, Стромьни, Ботове.

Да, административно Черноголовка – это Ногинский район, но на особой как бы территории, отрезанной от бывшего НИП АВ ВВВС РККА и переданной в 1956 НИП ИХФ, теперь называвшемуся ФИХФ, которому вообще принадлежала вся земля ННЦ. По партийной, и можно сказать – главной, линии подчинялся научный центр не Ногинску, а Москве, Октябрьскому райкому. Влияние Ногинска было крайне мало и касалось только сельсовета, в то время переехавшего в новенькое здание у «Колбасы» и переименованного в поссовет. Председателями там были наши люди, и все вопросы взаимоотношений с райцентром они брали на себя. Как вспоминал Слава Смирнов, многие ощущали себя в Черноголовке «полумосквичами». Кстати, в то время, при не очень хорошей дороге, но без единого светофора, дорога до Щелковской (автовокзал только строился) занимала часто 45 минут, а стоила, если кондукторша была «нормальной» 50 коп.

1981 год. Основатель города Дубовицкий Ф. И. на первомайской демонстрации (фото из архива А. Жаркова)

Но о власти. Власти в поселке в обычном смысле (Горисполком, Райком, Горкомхоз и пр.) не было. Поссовет в общем-то формальный, райком в Москве, по науке – Президиум ННЦ во главе с Семеновым, ну а реальной властью был Федор Иванович Дубовицкий, 62 лет от роду, легендарный директор ФИХФ, зам. Семенова, уполномоченный Президиума АН по ННЦ. И он

был настоящим хозяином действительно, но рассказ о нем может быть почти бесконечным. Скажем еще раз: «Он был Хозяин!» А его некоторые недостатки—слабости теперь, спустя 50 лет, кажутся просто ничтожными по сравнению с тем, что пережили мы и видели за последние три десятилетия...

Что представлял собой поселок «материально»? В нем были улица Первая, улица Вторая (более известная в народе как «научный тупик», ибо упиралась в проходную ОИХФ), и мало кому известная Третья, где прятались коттеджи очень больших ученых... Больше улиц не было, всего же по Первой и в свободном весьма порядке между Первой и «Колбасой» стояло:

– самых старых, начиная с 1958 года, краснокирпичных домов – 5,

– трехэтажных белокирпичных – 3,

– двухэтажных белых – 2,

– хрущоб 4-этажных – 8,

– 9-тиэтажных «башен» – 7, в том числе «Три богатыря» (говорили, что это чуть ли не первые 9-этажные постройки в Московской области, да еще по чешскому проекту, а все потому, что были мы «при Москве»),

– «Колбаса» в 14 подъездов – 1.

Строительство Первой улицы (фото из архива А. Жаркова)

Ещё было: два общежития – наша пятиэтажка 1968 года, буквально в колосившемся поле, и маленькая общага, получившая позднее название армянской, ещё – казармы стройбата (он всё и строил на поселке, кроме блочных домов) с музыкой утром и вечером, за глухой стеной – от строительной столовой до леса, ещё – милиция и Дом ученых 1967 года, школа в конце Первой, гастроном – посредине Первой.

Вот пожалуй и всё. Нет, в Заколбасье начиналось строительство: в 68-м сдали один дом, в 69-м – второй, и каждый год, наверное, сдавалось по дому. Самый поздний, правда, из-за сопротивления хозяина последнего деревенского дома – главного механика совхоза Чапаева – Чемагина, возвели только в 1984 (?) г. (знаем его как дом ЗАГСа, да нет теперь у нас и ЗАГСа). В ближайшие к нашему 1969-му годы построят новую, невиданную еще в СССР, школу №82, большую больницу, детсад рядом с ней, «Бастилию» на другом конце, напротив школы, с 1975-

го «блочные» пойдут один за другим. Завод уже будет работать вовсю, народ прибывать и прибывать, а среда обитания меняться...

Строительство девятиэтажных домов на Первой улице (фото из архива А. Жаркова)

Строилось всего много, и поэтому самое главное, самое-самое, что в Черноголовке было – это квартиры. В Черноголовке давали квартиры! Давали, конечно, не просто так. Квартирами привлекали нужных и высококвалифицированных специалистов, квартиры получала перспективная молодежь, что заводила семьи и явно связывала свою судьбу с Черноголовкой. Мы все раньше или позже квартиры получили, значит тоже считались перспективными. Сначала часто давали комнату, потом квартиру однокомнатную, двухкомнатные и даже трехкомнатные – по мере роста числа детей. Квартиры, кстати, надо было «обставлять», т.е. покупать мебель и всякое такое прочее. К этой ситуации мы еще вернемся...

А пока – квартиры квартирами, это важно, даже сверхважно, но что, все же, такое была Черноголовка в конце 60-х – начале 70-х – «бытово и культурно»? Жили в лесу, дышали лесным воздухом. В самом поселке не было скученности, а были широкие газоны и много зелени. До работы шли пешком минут 15—20, на велосипеде – долетали почти мгновенно, а автомобилей и не было почти ни у кого, а у кого были, большую часть года, наверное, держали в гаражах в колодках. Встречались все в Гастрономе, он был не столько местом снабжения, сколько общения. Снабжение было так себе. Молоко, хлеб, рыба, лечо, вино – да, мясо – редко и не очень, чаще куры, чахлые, но удивительно наваристые. Если не твоя очередь на заказ, едешь в Москву, покупаешь все, что надо – и в музей, на выставку, в театр даже, кто куда. Потом автовокзал новенький, булочная рядом, по кофе с пирожным – восторг! Это в Москве. У нас – да, в единственном магазине, не так, но зато зимой дети скатывались с магазинной горки прямо на Первую. Восторг!

Праздничная демонстрация 7 ноября на площади школы №82 (фото из архива А. Жаркова)

Если шёл мужик в коротких брюках и с отвлеченным каким-то взглядом – это явно был теоретик из ИТФ. Теоретики – великие люди – ходили в коротких брюках, много пили и делали работы мирового уровня. И вообще, если видели выпившего человека, то кроме теоретика это мог быть кто-то с банкета или по поводу защиты или юбилея. Юбилеи были 25, 30, и 35 лет, больше – только у начальников. Банкетами обычно назывались шашлыки для лаборатории на опушках наших лесов. Если видели стайки молодых, громко разговаривающих – это явно студенты, которых в Черноголовке во все времена было много, но тогда они ходили в свои базовые институты в то же время, что и сотрудники, а сидели, часто, ещё позже их, и уж точно – дипломники... Если народ валил в Дом учёных, то это значило, что там сегодня «Калейдоскоп» и показывают фильм Висконти или Вайды. Если вы видели на поселке человека старше 50 лет, то это было удивительно, и, это скорее всего, был трижды лауреат Сталинской премии М. Я. Васильев или... чей-то родитель, которому каким-то непостижимым тогда образом удалось прописаться к сыну или дочери, но, скорее всего, он приехал в гости...

Люди были советские. Т.е. следовали советским законам, советской морали, не такой и плохой, как теперь выясняется. Честь, совесть ещё были в ходу. Коллективизм имел свои плюсы и минусы, но как нам, сейчас полностью «атомизированным», его не хватает. С работы нас несколько раз в году посылали на картошку и свеклу. К этому привыкли, благо совхозные поля начинались за околицей поселка. У Дома ученых колосилась рожь, а поле от деревни до «23-го км» с любимицей Хрущева вошло в историю как Кукурузное.

Субботник по благоустройству Черноголовки (фото из архива А. Жаркова)

На кухнях выпивали и либеральничали, поругивали политику. На работе «догоняли и обгоняли Америку» и делали действительно хорошую науку, заодно повышая обороноспособность Страны... Строилась новая школа, в башне-обсерватории ее мастерили телескоп. Скоро прибудет его хозяин-астроном, а потом его арестуют, и это будет единственное диссидентское дело в Черноголовке (так, правда, Черноголовку тогда еще не сокращали)...

Эх и ах, святое это, романтическое и чистое, как нынче кажется, время! Ключи под ковриками, работа в две смены, защиты, споры, экскурсии, спорт, секции, выставки, лекции лектора ЦК и концерт Высоцкого... Вот она, наша молодость: задор, огонек какой-то в людях, уверенность в будущем, вера в лучшее. Покритиковать, поругать действительность тоже можно, но в рамках, в рамках... Все были молоды, здоровы. Про Макаровское кладбище многие и не знали: хоронить было некого. Думали совсем о другом. Работали...

Чем еще занимались кроме науки и производства и добычи пропитания? Какая атмосфера царила в Черноголовке?

Атмосфера эта была очень своеобразной, ибо Черноголовка была тогда почти исключительно научной, почти исключительно с высшим образованием не просто, а с лучшим в Союзе, а то и в мире образованием, с очень высоким интеллектуальным уровнем. А также с юмором, иронией и всяческими дополнительными талантами. Кто пел, кто рисовал, кто стихи писал (одна Люда Денисова чего стоила!), кто песни, кто в театре играл. В походы ходили почти все, чаще – на байдарках, многие – по горам. Спортом занимались почти все, лыжи там, велосипед, баскетбол, теннис, потом еще и КЛБ появился. На «Калейдоскоп» ходили. Нет, не ходили – хотели все, не все попадали. Артистов, музыкантов, чтецов, бардов в Дом учёных приезжало достаточно.

Сеанс одновременной игры между многократным чемпионом мира Ботвинником М. М. и черноголовцами (фото из архива А. Жаркова)

Были художники, свои, т.е. наши – Веня там, Гера, Фёдорыч ДУ-шный, Люда Репка и пр. Они всё пытались как-то объединиться в студию. В 1972-м мы с упоминавшимся уже Славой Смирновым провели первую и как нам казалось грандиозную выставку их работ. Вот у меня каталог ее самодельный, пожелтевший: много десятков позиций в нем. После выставки живописцы объединились. Да, образовалась художественная студия, пораньше, пожалуй, – театральная, после нее – литстудия. В аспирантском общежитии завели ребята Молодежный клуб с разными секциями, в том числе с историей искусства – это наш нынешний ЧИКК так назывался тогда. А у Гриши был музыкальный клуб. Да, было... Была у нас музшкола, спортшкола с Геной Громогласовым, был стадион, сделанный руками черноголовцев, БНЦ и библиотека Профкома ОИХФ. Был Дом ученых, а в нем разные тоже секции от горнолыжной и туристической до танцевальной и художественнокатальной. Были и КВНы, но мода на них уже отходила. А самое оригинальное, самое невозможное, даже самое главное (помимо работы и квартир) что у нас было, единственное почти в Союзе, наша гордость и источник хвастовства некоторых невожатых товарищей – это киноclub «Калейдоскоп» Юры Полякова под почетным председательством лауреата Ленинской премии и хорошего человека Владимира Львовича Броуде...

И все же о квартирах, деньгах и автомобилях...

Да, народ был избранный, и того народа было много в Черноголовке (теперь мало осталось), МГУшный, физтеховский и тем подобный. Студентами многие или почти все были в ССО, на целине. Народ был беспокойный, активный, воспоминания о Целине не остыли еще, это аукнется. Получали по 100—150 р. и не жаловались, работали не за деньги, а за Науку, потому что было интересно. Но вот ведь еще и женились люди, а семьям деньги были нужны, одежда и обувь детские тогда были дешёвые, но часто менялись, а вот на обстановку квартиры деньги были нужны уже серьёзные. А кто-то «нагел» и поглядывал на машины начальников (государственные тогда по большей части, но кой у кого стали появляться и свои)...

Да, народ научный, в большинстве своем, увлечен был своим любимым делом. Но от честно заработанных денег никто не отказывался. На дворе стоял социализм, даже ещё и не совсем развитой, а до коммунизма, как все поняли, было далеко-далеко.

Короче, жили в Черноголовке не бедно-не богато, а как вся страна, даже, наверное, немножко получше. Платили ученым не много-не мало, даже, может, немножко больше, чем другим, хотя смотря кому «другим». Наука для большинства составляла, несомненно, главное. Это было интересно, да и важно, в чем все были уверены, да так вроде и было. Но от денег тоже никто не отказывался. Радовались, когда с 98 р. переходили на 105р, на 115 р., потом на 130 и 150 р. и больше, а 270—300 р. у старших казались пределом мечтаний (нет, не мечтаний, а реалий). О большем мало кто и думал. В общем, деньги тоже никому не мешали, ни экономным и хозяйственным, ни мечтателям и романтикам. И когда появилась возможность заработать летом в отпуске (говорили о двух аж месячных зарплатах!), народ двинулся на стройки социализма. Буквально. И не только, впрочем, заработать, но и бесплатно посмотреть новые места нашей бескрайней родины, которой решили помочь теперь физическим трудом. Посмотреть, увидеть, узнать – это для научных сотрудников было аргументом тоже... Оторваться от умственной и у многих действительно напряженной работы, сменить на физическую – многие считали правильным решением и удачным выбором. Впрочем, насколько знаю, научник и на побочных физических заработках нередко придумывал что-то такое нестандартное, облегчающее этот самый физический труд...

В 69-м мы приехали Черноголовку, и это было для нас событие, но мы совершенно не знали, что летом тут произошло другое Событие, ставшее историческим: первый строительный отряд ученых (и не только) принял первый «бой» в далеком Норильске. Так тихо началось это важное и полезное для всех движение, ширясь с каждым летом, включая все больше людей и больше мест на карте страны...

Все больше и больше черноголовцев по летам ехало в Норильск и вообще на Север, на Дальний Восток, в Сибирь... Все больше и больше появлялось приличной соцлагерной мебели и отечественных автомобилей в Черноголовке...

Научник прибарахлялся...

Олег Ефимов⁵ __ Черноголовка. Начало. Стиль жизни

Я чувствую определенную неловкость при написании этих обрывочных воспоминаний. Все-таки о начале Черноголовки много и документально точно написал ее основатель Федор Иванович Дубовицкий. У меня на пути к моему 90-летию сохранились в памяти только обрывочные, часто немного смешные эпизоды из жизни Черноголовки 60-х годов. Они относятся к стилю жизни научной молодежи тех лет, когда первопроходцы, молодые кандидаты наук-первые завлабы успели обосноваться в новостройках и формировали свои коллективы.

Я приехал в 1962 году, когда была застроена левая сторона Первой улицы с гостиницей, где нас обычно и размещали. За перелеском начинались здания Филиала Института химической физики (ФИХФ), расположенные в двух параллельных зонах (первая и вторая площадки). На второй только что был сдан 2-этажный корпус 2/2, тогда в просторечии корпус «химкинетики», позднее в обиходе после нашего переезда в 5-тиэтажный корпус – «старой химкинетики». Никакого забора у нас не было так же как и охранника при входе. Режим работы был в основном свободным и мог определяться приходом и уходом шефа (завлаба). Моим шефом был молодой кандидат наук, последний аспирант академика Н. Н. Семенова и его любимец Александр Евгеньевич Шилов, он же затем профессор и академик. Мое положение и осложнялось, и облегчалось тем, что у Александра Евгеньевича была лаборатория еще и в московском Институте химической физики (ИХФ). Вскоре он был назначен и заведующим большим отделом кинетики и катализа наших Институты. Короче говоря, на первых порах я был предоставлен самому себе. Но все-таки вначале я был представлен лично Федору Ивановичу Дубовицкому. У меня осталось впечатление покупки лошади на ярмарке. Федор Иванович деловито осмотрел меня с ног до головы, я приготовился открыть рот и показать зубы. Федор Иванович остался доволен и сказал, что один альпинист у него уже есть. Я удивился его догадке, но он высказался в том роде, что виден молодец по походке. Первым был Вадим Васильевич Бразыкин, мастер спорта и серьезный ученый, с которым мы потом сблизились. Впрочем, в недалеком будущем появились и другие собратья по спорту – Игорь Фомич Щеголев (тоже будущий мастер спорта и академик) и Анатолий Гесельевич Рабинькин, мой друг и напарник на горных восхождениях.

Впрочем, это только к слову. На самом деле условия для занятий спортом были отличные, всюду лес для бега и лыжных гонок. К тому же Федор Иванович затеял строительство спорткомплекса с футбольным полем, беговой дорожкой, гимнастическим городком, теннисными кортами, волейбольной и баскетбольной площадками. В лесу проложили освещенную трассу. Тренируйся на здоровье. Зимой мы занимались охраной обширного лесного заказника от браконьеров. У нас жили лоси, которые приходили даже в поселок. Для кормежки кабанов мы построили лесную кормушку. Для зайцев рубили молодые осинки. Вокруг них было много лисьих следов. Белки в Институте спускались на руки за орешками. По инициативе Александра Евгеньевича в Институте появились олени, которые после строительства институтского забора так и живут по настоящее время на территории института и успешно размножаются.

Итак, что же с наукой. Это был интересный период, когда физики и химики вдруг почувствовали тягу к биологии. Вот ведь тайны атома приоткрылись, бомба испытана, а в науках о жизни еще столько загадок. Химики превращают инертный азот (*с лат. не поддерживает жизни*) в ценнейший аммиак при сотнях температур и давлений, а какие-то бактерии запросто делают это при обычных условиях. Идея раскрытия этой загадки была достаточно безумной, чтобы ею заняться. Ну и подход был вполне советским, собрать группу молодых выпускников вузов и озадачить как в сказке – пойди туда, не знаю куда и сделай то, не знаю что, но только

⁵ Олег Николаевич Ефимов, к. хим. н.

чтобы было как у бактерий. Не буду описывать историю этой эпопеи, но только спустя примерно 7 лет я был отправлен (не пугайтесь!) на Лубянку (тогда площадь Дзержинского) в Государственный Комитет по изобретениям и открытиям для оформления диплома на Открытие. Я не был главным действующим лицом в этой работе (хотя свой вклад в это внес), но бюрократическая морока досталась мне. Два года на это ухлопал. Вслед за этим Александр Евгеньевич стал членкором и академиком, часть тружеников вполне заслуженно попала в список на Госпремию, часть не попала (не хватило квоты), и возникло новое научное направление биомиметика. Ныне Президент Курчатовского центра М. Ковальчук нашел новое название природоподобные технологии и получил на это дело большое финансирование. Работы участников нашего Открытия азотфиксации теперь упоминаются редко, среди соавторов иных уж нет, а те далече. В Черноголовке остался я один. Но не будем о грустном. В те времена нам казалось, что светит Нобелевская, тем более что Александр Евгеньевич сотворил еще пару вполне достойных открытий. Время распорядилось по-своему. По сути для меня открылась редкая возможность придумывать и делать, что мне захочется. Как говорил советский астрофизик Иосиф Шкловский Академия хорошее место для удовлетворения своего любопытства за государственный счет. Большие идеи рождаются там, где их не планируют. Увы в новые времена такое вольномыслие не оценили, Академия попала в опалу и работает по инструкциям чиновников Минобра.

Собственно, мой фрагментарный рассказ для этой книги о стройотрядах Черноголовки написан, чтобы показать какую роль в нашей тогдашней жизни играла личная творческая инициатива. Знаменательно, что этот стиль поддерживался и академиком Н.Н.Семеновым и Ф.И.Дубовицким. Теперь они стоят на центральной площади Черноголовки. Рядом с ними стул, можно залезть и присоединиться к первопроходцам.

Расскажу еще один забавный случай. Мне нередко случалось сталкиваться с нехваткой реактивов и материалов. В этих случаях Н.Н.Семенов охотно подписывал письма в разные закрытые Институты, где меня любезно принимали и безвозмездно помогали. У Ф.И.Дубовицкого это выглядело еще веселее. Выслушав просьбу (в самых общих чертах), он брал трубку «вертушки» (правительственная связь) и звонил знакомому руководителю «ящика» (кстати, академику). Звучало это примерно так: «Здравствуй, Ваня (условно), это я Федя. Будь другом, тут к тебе приедет от меня парнишка (ко мне: „как тебя величать?“), сделай ему, что он попросит. Это по твоей части». Через день я был уже в Ленинграде и стоял со справкой о доступе в соответствующем отделе «ящика». А еще через пару дней приезжал груз, который надо было открывать ночью и в сильный мороз на собственный страх и риск. В общем, весело.

К отпускам за свой счет Федор Иванович относился спокойно и разумно. Для отъезда в экспедицию на Памир или Тянь-Шань я ссылался на указ Ворошилова о военно-прикладных видах спорта 1936 г. Действительно был такой. А вот к первому Норильску он отнесся особо. Вольности вольностями (кстати Федор Иванович по другим делам был строг, его боялись и уважали), но в главном как повысить достаток ученых он понимал – зарплату просто так не поднимешь. Пусть едут – там заработают, а потом рвения к науке только прибавится. На банкет по возвращении из Норильска он охотно пришёл, а потом и подходящий случай подвернулся. В Черноголовке прохудилась сливная канализация на очистных сооружениях. Надо было перестроить насосную. Подрядчики быстро сделать не брались и заламывали большие деньги. Тогда Федор Иванович вызвал к себе руководителей стройотрядов и дал задание по принципу «Я Вам — Вы мне». Я тоже попал в эту стройку века. С утра я бежал на очистные, где почти все работы делались вручную. Такого ударного труда не случалось даже в Норильске. После обеда как старший научный сотрудник я был уже на работе. И так пару недель без передышки. Задание было выполнено. Федор Иванович свысока глядел на подрядчиков – вот как я Вам нос утер.

Стоит вспомнить и о благах, которые доставались Черноголовке по инициативе Ф. И. Дубовицкого и просто сотрудников. В 60-х в Институте был свой магазин, куда привозили продукты из Москвы. В голодные годы, когда на прилавках нашего Гастронома валялись засохшие плавленые сырки, была организована доставка продуктовых заказов и раз в неделю с саночками мы ехали забирать их и радовать домочадцев мясными вырезками, сгущенкой и тушенкой.

Можно много рассказывать о культурных делах: в Доме ученых или в актовом залах Институты собирались замечательные артисты, барды, проходили выставки художников – модернистов. Работал удивительный кино клуб, куда привозили зарубежные картины. Я помню приезды известных режиссеров Ролана Быкова с «Андреем Рублевым» (реж. А. Тарковский) и Василия Шукшина с фильмом «Странные люди». Быков был в ударе, изображал скомороха и пел матерные частушки. Шукшин скромничал и заметно смущался. После показа возникали бурные споры с участием ученых и режиссеров. Все это было похоже на клуб Дома Ученых «Под интегралом» в Новосибирском Академгородке, прославившийся своим вольнодумством. Впрочем, подобная ситуация была и в других наукоградах.

Немалое значение имели и встречи с выдающимися учеными. На семинаре академика А. Б. Мигдала, мы стояли не только в проходах, но и сидели на подоконниках. Он производил необыкновенное впечатление своими парадоксальными мыслями и особым чувством юмора. Завораживали ярко синие глаза академика на странном слегка сплюснутом лице. Вообще теоретики из Института теоретической физики им. Ландау заметно лидировали в нашей тогдашней жизни. Академик В. Е. Захаров привозил известных поэтов, он и сам писал стихи. Было и поэтическое объединение, в котором блистала Людмила Денисова «Тереза Дюпон». Одним из ее поэтических героев был и сам Дубовицкий в поэме о Царе Федоре. Федор Иванович сердился, но терпел.

К началу движения стройотрядов Черноголовка была готова всем стилем своей жизни – поиском приключений, творческой инициативой, в путь «за туманом и за запахом тайги», но потом, конечно, и за деньгами. В этих поездках рождалась дружба, которая затем сохранялась на многие годы и нередко переходила в научное сотрудничество. По крайней мере с десятком научных работ я выполнил с моими друзьями по стройотрядам. Они же нередко приходили мне на помощь и в жизни. Беда в том, что все хорошее когда-то проходит и остаются в утешение добрые воспоминания.

Вячеслав Соляников⁶ __ Черноголовка. 60-е

...Наш институтский поселок возник в 1957 году на северной окраине деревни Черноголовка; юные сотрудники новорожденного Ногинского Научного Центра охотно приняли это неординарное название и в разговорах между собой величали часто этот самый Центр просто «деревня».

Это вступление к вопросу: почему «бригадный бум», начатый первой бригадой Норильск-69, двинулся именно из нашей «деревни», а не из иного людного места?

Первый наш «путеводитель» бригады – мастер Никритин П. И. (норильчанин, местные, эту фамилию произносили как «Некрытин»), отбывший срок зэк в Норильске и оставшийся там доживать, как-то рассказал нам, что ребята на заработки приезжали к нему и в прежние годы. Видимо, это были студенты Красноярских ВУЗов, точно неизвестно. Но вот этот девятый, совсем не айвазовский, бригадный вал из Черноголовки; почему?

«Шестидесятники», молодые поэты, чьи смелые стихи слушали на заполненных московских стадионах; это было ново и свежо. Уверен: что-то от этого было в повадке бригады Норильск-69. Для понимания этого важен учет следующих обстоятельств.

– Несомненно высокое качество в целом именно нашего поколения, «хлебнувшего» войны порою с голодом, холодом, бедностью и разными тревогами, в том числе воздушными. Но в 1945 году мы пошли в школу: без учебников и тетрадей, зато без бомбежек и без страха за довоевавших до победы героев-отцов, многие из которых в это время уже возвращались домой. Победительное настроение было тогда довлеющим, страха перед будущим не было, потом это отпечаталось на наших судьбах. И сам возраст важен: Юрий Кукин – известный советский бард 60-х годов написал в песне, посвященной памяти погибшего друга: «Тридцать лет – это время свершений, Тридцать лет – это возраст вершины...».

Бригада Норильск-69 почти нацело состояла в этом цветущем возрасте (не путать с юмором И. Ф. Горбунова: «Я теперь в цветущем возрасте; матушку, выходит, схоронил»). Были здоровье и спортивность, была, конечно, и потребность физического труда на фоне ежедневных интеллектуальных упражнений в новых лабораторных корпусах.

– Очень важное обстоятельство – отмена по ходу пятидесятых многих запретов, заповедей, замков сталинского периода. Образно говоря, дышать становилось легче, прежде всего старшему поколению, нашим родителям. И это облегчение, оно и нам передавалось, побуждая к активным действиям, стимулируя их. Словом, тесто подходило.

– Созданию удивительно теплой атмосферы бригады Норильск-69 способствовало (многолетнее иногда) знакомство между собой ее будущих мастеров лопаты, лома, шпуги и «гитары».

К примеру, я до 1969 года дружески общался в «деревне» примерно с десятком будущих собратьев по бригаде Норильск-69. Области общения – лаборатория, спортзал, коммунальная квартира, художественная самодеятельность. Полагаю, что бригада Норильск-69 (37 человек) фактически являла модель гармонического сообщества близких по духу, менталитету и возрасту людей.

Тут я называю пару ключевых слов: Любовский Рустэм.

Химики хорошо знают: в пересыщенном растворе вещества в химическом стакане достаточно иногда только стеклянной палочкой потереть о доньшко стакана. А можно малюсенький кристаллик вещества бросить в раствор – поехало: лавинообразный процесс кристаллизации с мгновенным помутнением раствора, выпадением осадка и нагревом раствора. В вышеупомянутом растворе, в Институте химической физики, битком набитом энергичными тридца-

⁶ Вячеслав Маркович Соляников, д. хим. н.

тилетними чудаками, Рустэм Брониславович потерялся сам и бросил идею: съездить на Север на заработки. И поехало... первой – бригада Норильск-69, а за ней другие; но о тех других я помолчу. Другой такой, как Норильск-69, не было. Доказательство? Пожалуйста.

Бригада Норильск-69 несколько раз отмечала свои юбилеи, в том числе 50-летний, 4 года назад. Ни одна иная бригада крупных любителей денег на это и близко не сподобилась. Бог им судья, каждому свое. Нет-нет, мы были совсем не против денег. Мы в 69-м порадовались (в меру!) хорошему заработку. Но мы не разевали заранее ртов, как щука, летящая на добычу. Потенциальные деньги не компостируют нам мозгов, не мешали дружно жить, трудно и весело работать и в мокрую стынь с промокшими ногами, и в жаркие июльские дни с комаром и мошкой под незаходящим норильским солнцем.

Пятьдесят лет назад старый товарищ мой, классный волейболист, яркий ученый и редкой скромности человек, Коля Денисов на мое любопытство: «Ну, как тебе там было?» (это вдвоем, под рюмочку; он недавно из Приморья, работал там, типа Норильск-69) неохотно обронил: «Да-а... неинтересно: лом, лопата... все уже было...», разговор ему явно «не по резьбе». Я понял. Помолчал под пластинку Шопена (выделял Н. Т. Денисов этого композитора) и припомнил, как уютно сидели мы в уголке стола Норильского ресторана, не спеша разговаривали, время от времени осторожно наполняя две маленькие рюмки душистым, мягким коньяком. Прощальный банкет, завершение эпопеи Норильска-69.

Черноголовка 60-х

Л. Денисова, В. Соляников

1. Если ты задумал жить всерьёз,
Принимай условие:
От Москвы всего в полсотне вёрст
Есть Черноголовия.
2. Там налево – лес, и направо – лес,
И – внезапно – огоньков весёлый ряд...
Мириады звёзд с высоты небес
Молча на тебя глядят.
3. Нету в жизни счастья без борьбы,
Побеждают смелые.
Вырастают дети, как грибы,
Крепкие и белые.
4. Синеокие, черноглазые,
Деревенские ребята-молодцы.
Очень умные, очень разные,
Ну, почти как их отцы.
5. Нарушают зимний наш уют
Ветерки весенние.
Летом нас увидит крайний юг,
Или – крайний Север.
6. А когда опять мы вернёмся в лес,
К Первой улице, началу всех начал,
Мириады звёзд с высоты небес
Глянут; и опять – смолчат.

Пояснения В. Соляникова к песне «Черноголовка 60-х»

Начну с конца. Первая улица она и сейчас, и всегда будет Первой, на ней встали первые дома Черноголовки. К моменту нашего отъезда в Норильск, перпендикулярно Первой обозначилась Вторая улица коттеджей, мест обитания нашего научного начальства. Эту Вторую быстро переименовали в «Тупик советской науки»; улочка действительно упиралась в забор, окружающий наш институт, ИХФ.

Звёзды, см. куплеты 2 и 6, существенная деталь жизни Черноголовки в 60-е – 70-е годы. Тишь, тёмный лес вокруг уютного посёлка и бесконечное звёздное небо – незабываемо...

Сейчас звёзды не видны и, похоже, не нужны.

5-й куплет: Юг, Север – после эпопеи 1-й Норильской (69 г.). География поездок бригад быстро расширилась.

3, 4 куплеты: дети, важная деталь бытия сотрудников ИХФ того времени; они – же сильный стимул тех поездок (в частности, заработок Норильска – 69 позволил мне купить, не напрягаясь, пианино для сына, ученика второго класса муз. школы).

О происхождении песни: вокальный ансамбль ИХФ, обозначаемый аббревиатурой СССР (четыре Славы – Грачев, Сизов, Харитонов, Соляников и один Рустэм – Любовский) завершал в 1973 году активную фазу своего существования выступлением на праздничном вечере института.

Хотелось к этому финалу написать песню и её исполнением завершить наши выступления.

Сроки поджимали, я попросил помощи у Людмилы Николаевны Денисовой (моей однокурсницы на Химфаке МГУ, поэтессы, чьи стихи обожали в молодой Черноголовке). Люда согласилась. Совместно сделали текст песни: ею написаны все нечётные, мною чётные куплеты песенки. Ансамбль СССР песню разучил, отрепетировал, исполнил. Первое исполнение «Черноголовки» осталось единственным.

Павел Любовский__ Взгляд на Черноголовку представителя первого рождённого здесь поколения

Каждый может себе представить чувство, когда после длинного и непростого трудового дня возвращаешься к себе домой, где тебя ждут домашние, где тепло и уютно, где безопасно и комфортно. Где за порогом квартиры или дома остаются тревоги, разочарования, напряжение и противостояния, где царит атмосфера беспечности и взаимоуважения, где всё аккуратно, пусть в меру, но, точно, уютно. А теперь представьте себе, что такое пространство есть в реальности, только размером с небольшой город. И город этот называется Черноголовка. Северо-восточная окраина Подмосковья, где до Владимирской области двадцать километров лесом, а там уже, можно сказать, тайга начинается до самого Крайнего севера и сама Черноголовка со всех сторон обнесена лесом. Откуда, поехав по Щелковскому шоссе на юг (на местном черноголовском по Щелчку), через пятнадцать минут ты выкатываешься из этого леса в районе Биокобината, и попадаешь в городскую цивилизацию, которая раньше меньше, а сейчас уже всеобъемлюще, обступает тебя со всех сторон, и плавно переходит в грандиозный мегаполис, с таким же дорогим сердцу названием Москва. Помню, что в те очень далёкие года, когда меня возили в Москву на автобусе, и это было настоящим путешествием, я, сидя на первом сидении автобуса, с нетерпением ожидал, когда же появится Москва. И встречал её два раза. Сначала, когда показывались первые высотки посёлка Восточный, считая, что это уже Москва, а потом уже, когда появилась МКАД, а за ним завод «Хроматрон». Уверен, что каждому черноголовцу знакомо это уютное ощущение, когда зимним вечером, конечно уже в темноте, ты выходишь из 320-го автобуса и по заснеженной дороге, по скрипучему снегу, вдыхая чистый морозный черноголовский воздух не спеша идёшь к себе домой. И суэта Большого города с его вечно спешащими гражданами остаётся где-то далеко в прошлом. Ты даже не вспоминаешь её в тот момент, когда проходишь по заснеженной и затихшей Черноголовке. Мне много где довелось побывать в пределах нашей необъятной страны. По сочетанию факторов нет больше такого великолепного города как Черноголовка. Тот интеллектуальный потенциал, который был заложен в фундамент менталитета черноголовских жителей и которой в нарицательные 90-е, как и вся наша страна, подвергся серьёзному испытанию и с достоинством его прошёл, то географическое расположение вблизи от столицы, но уже в лесу, практически на опушке бесконечной русской тайги при отсутствии проходящей где-то поблизости железной дороги, а так же при отсутствии каких бы то ни было производственных мануфактур в радиусе двадцати километров – это те факторы, которые определили в прошлом и определяют уже будущее существование неизменной в своём нынешнем совершенствовании Черноголовки. Её будущее, с заложенным в основании потенциалом, лежит только в развитии города, как научно-учебного кластера. И глядя в это будущее из настоящего, опираясь на прошлое, можно констатировать, что процесс этот начался.

Что ж до прошлого, то есть, конечно, что вспомнить тем, кто родился в той ещё советской небольшой Черноголовке. Моя память более-менее стабильно воспроизводит события с середины 70-х годов: детский садик, сначала №30, одноэтажный красный, а годом спустя №54 рядом за забором, уже большой двухэтажный. Куда сотрудникам институтов было удобно приводить по утрам, по дороге на работу, своих детей и забирать их вечером. Откуда летом и осенью после прогулки мы частенько приносили домой белые грибы, которые собирали на необъятной, как нам тогда казалось, лесной части садика. Весенние ручьи на Первой улице, вернее по её аппендиксу от гастронома до наших девятиэтажек, которые заканчивались морем, точнее огромной лужей между домами №24, №25 и началом «Колбасы». Кораблики мы делали из сосновой коры и устраивали соревнования, чей быстрее доберётся до этой лужи.

Построение у гостиницы на Первой улице перед первомайским забегом (фото из архива А. Жаркова)

Тогда посёлок оканчивался за нашими домами. Дома быта (КБО) и домов по улице Центральная ещё не было. Там были очистные сооружения. Зимой мы ходили на горку у гастронома. Катались на картонках по ледяной, подозреваю, заливавшейся кем-то из старшего поколения дорожке с выкатом почти на проезжую часть. По вечерам жизнь на этой горке буквально кипела. А в самом гастрономе, у левой его стены, где был буфет, можно было купить сок: абрикосовый, виноградный или томатный, который наливали из стеклянных конических сосудов, похожих на огромные морковки с краником и марципан или хотя бы булочку с изюмом. В молочном отделе, который был в правой части гастронома, мы сдавали принесённые бутылки из-под кефира и сметаны, (молоко в полулитровых тетраэдрических пакетах родителям выдавали на работе за вредность) и, конечно, доплатив какую-то сумму деньгами, покупали то, что наказывали родители. Летом гоняли на великах и сами по себе по всему посёлку, и участвуя в соревнованиях 9 мая по трассе на Первой улице.

Вообще со всевозможной «движухой» во все времена в Черноголовке было всё отлично. Туча спортивных секций, море всевозможных кружков, невероятное количество инициатив в виде собраний, гуляний, приглашения знаменитостей, формальных и неформальных объединений. На мою долю выпало невероятное по наполнению моей детской жизни участие в горнолыжной секции, которая появилась в посёлке в 1977 году, вместе с появлением тренера – Анатолия Алексеевича Татарина, который возглавлял её до 1986 года. К тому времени уже была намыта Песчанка – горка высотой 25 метров, появление которой было организовано поколением наших родителей. Тогда Ближнее озеро было не очень глубоким. В 1975 году на нём был установлен земснаряд, проложены трубы через лес к месту будущей горки, и в течение нескольких лет его работы Черноголовка получила два уникальных объекта: озеро, где мы проводили значительную часть своего лета, и горку, на которой катались кто на чём, а мы, члены горнолыжной секции, на горных лыжах, соответственно. «Шеф», а именно так называли нашего тренера первые и самые старшие его ученики, не сильно отличавшиеся от него по возрасту, возился с нами практически всю неделю. Тренировки зимой были почти каждый день, а по воскресеньям поездка в Парамоново, откуда родом и сам Шеф, и где у секции, вернее горнолыж-

ного клуба Черноголовки, членами которого были многие научные сотрудники посёлка, был свой дом. В этом доме мы проводили все свои зимние каникулы.

Зима с 79-го на 80-й год выдалась морозной. Нас, по обыкновению, привезли в Парамово 28 декабря. Но уже через день эвакуировали обратно, так как морозы в ночь на 30 декабря опустились до -50°C . Так что Новый год мы встретили дома, а когда морозы поутихли и стало всего -30°C нас 2 января привезли обратно, потому что такая температура в те годы не считалась стихийным бедствием. И мы проводили на горе по сумме двух тренировок около четырех-пяти часов. Вот только ноги белого цвета, с трудом извлечённые из горнолыжных ботинок и абсолютно ничего не чувствовавшие, отогревали на большом электрическом кубе, пока они не приобрели естественный телесный цвет. И процесс этот был весьма болезненным.

1980г. Парамово. Соревнования на кубок Президента горнолыжного клуба. На старте Любовский Павлик

В Новый год в те времена многие черноголовцы поднимались на крыши девятиэтажных домов. Потому что оттуда был виден салют в Москве. По всему горизонту были видны разноцветные всполохи. Всё действие продолжалось минут десять. Мы кричали ура и вообще весьма радовались жизни. У взрослых-то всё спокойно было, а у нас и подавно.

Конечно, для всех черноголовцев опорой и объектом устремлений был лес. Тайга, начинаясь сразу за нашими домами, приобщила всё население посёлка к прогулкам, походам за грибами и ягодами и походам уже обычным с палатками и едой на костре. Вообще в те годы хождение в лес не представлялось каким-то знаменательным или специальным событием. Поэтому мы ещё младшеклассники спокойно были отправляемы родителями за грибами и ягодами, так как это тогда входило в рацион, по крайней мере, праздничного стола. Белые и другие благородные грибы мы сушили, а чернушки солили в десятилитровых железных ведрах или в пятилитровых бидонах. Тогда пластика в обиходе ещё не существовало. За ягодами ходили на полигон или к сторожке лесника на Дальнее озеро. Когда в конце семидесятых годов научным сотрудникам раздавали дачи, кому-где, нам досталась в Мелёже, уже во Владимирской области, рядовые будни разбавила повинность на дачных грядках. Хотя, думаю, там мы не так много времени проводили, потому что летняя жизнь была наполнена поездками с секцией в спортивные лагеря. Мне довелось побывать в Коломне, в Анапе и на Чегете. А также зимой

на сборах «Зона России» пару раз со своим другом и одноклассником Сеней Соловьёвым, его братом Ефимом и сестрой Машей, которые так же отбирались туда, выигрывая очередные областные соревнования. В Анапе мы были как раз летом в олимпийский 1980 год. Тогда Олимпиада как-то не сильно нас интересовала, а вот фильм «Приключение Электроника», вышедший как раз летом этого года, мы смотрели всей секцией в комнате хозяйки дома, у которой мы жили в Анапе. Вот это был фильм! А ещё тогда же в Анапе наш второй тренер Александр Викторович Болдырев, Александр, как мы его звали, сводил нас, человек 15—20, в кинотеатр на фильм «Пираты XX века». Вот это было событие. Кинотеатр, куда мы пришли минут за пятнадцать до начала сеанса, был точно такой же, как в Черноголовке.

Кинотеатр в Черноголовке. 70-е годы (фото из архива А. Жаркова)

А народу перед кассами – не то, что в вестибюле, а на улице толпой стояли. И вот Александр как-то туда влился в эту толпу, а через некоторое время появился с билетами... Внутри зала мы расселись на ступеньках. Но это для нас было не важно. Важно, что мы там были и смотрели пиратов.

Первомайская демонстрация на площади школы №82 (фото из архива А. Жаркова)

В школе наш класс – 1«В», вплоть до 10«В», был очень дружным. Потому что практически в неизменном составе мы пришли туда всей своей группой детского сада. А большинство наших родителей работали в институтах Черноголовки и хорошо знали друг друга. По рассказам папы (автора-составителя этой книги), он ходил в класс моего старшего брата Максима и читал им книгу. Я до сих пор помню их класс практически всех поимённо. Так уж устроено, что младшие запоминают старших, а наоборот редко. И вот некоторое время назад в нашей поликлинике мы с папой встретили Свету Новикову. И на вопрос, что она помнит о жизни класса, первым делом вспомнила, как папа приходил к ним и читал повесть Гавриила Троепольского «Белый Бим чёрное ухо». В нашем же классе, если не с первых лет, то со средней школы, внеклассная жизнь была на высоте. Всевозможные конкурсы, чтения, КВНы, вечера. Опять же с кем-то из родителей поездки на ВДНХ или ещё куда. А постарше уже опять же в походы. Школа наша 82-я специально была спроектирована так, чтобы было где разгуляться ученикам. Мало того, что два крыла рекреации по четыре этажа, так забеги можно было устраивать через коридоры кабинетов физики и химии, а там на первый этаж мимо столовой и через раздевалки обратно на этажи рекреаций. Разве что только мимо кабинета завуча, Соколовой Раисы Максимовны, на втором этаже шли быстрым шагом.

В начале восьмидесятых годов, когда начались экономические трудности в стране, группа товарищей, во главе опять же с папой, организовала еженедельную доставку продуктов, как это тогда называлось – заказы. Более-менее внушительный список продуктов, за которыми в Москву ездили некоторые из сотрудников институтов. Нашей с братом Максимом обязанностью было хождение за этими заказами, стояние в очереди, чтобы их получить. Конечно, поход туда к КОНу (Корпусу Общего Назначения) вместе с друзьями был каждый раз очень интересным мероприятием. Потому что поиграть в снежки или во что-нибудь ещё, мы успевали каждый раз. Совмещали приятное с полезным. В этих заказах иногда были глазированные сырки. Их вкус устойчиво ассоциируется у меня с детством. Но с момента окончания выдачи заказов, когда в стране уже всё стало плохо, исчезли из моей жизни и эти сырки. И появились много позже, наверно в конце 90-х годов. Но я их сознательно не покупал много-много лет, чтобы не разочароваться в этом своём дорогом мне детском впечатлении. Но пришлось когда-то время их опять попробовать, и радость была весьма велика. Вкус был тот самый, из детства!

А в межсезонье тренировки наши часто проводились в Спорткомплексе, тоже одном из знаковых сооружений посёлка. Потому как не каждый город тогда мог похвастаться наличием такого здания. В вестибюле тогда стоял аппарат с газированной водой. Такие еще стояли рядом с гастрономом. За копейку он наливал тебе простой газированной воды, а за три копейки уже лимонад. Кто-то придумал просверлить в трёхкопеечной монете дырочку, привязать к ней верёвочку, и тогда можно было доить аппарат до бесконечности. Обратное уже монетку нельзя было вытащить, какая-то блокировка не давала это сделать, но поднять и опять уронить монетку внутри самого автомата было достаточно, чтобы он выдавал очередную порцию сладкого напитка. Ну, конечно, лафа быстро закончилась, так как не одни мы были такие умные. Руководство спорткомплекса тоже увидело внутри аппарата монетки с верёвочками. Так уж совпало, что произошло это, когда была моя очередь дёргать за верёвочку. Потом ходили с родителями к руководству спорткомплекса, чтобы меня восстановили в правах на посещение занятий.

Ещё, конечно, не может не обратить на себя внимание хитросплетение улиц на карте Черноголовки. Это мы, местные жители, которые оперируют устоявшимися названиями, как-то: Дом быта, Старый рынок, Скобки, Спорткомплекс, Дом Учёных и прочее, – обозначающими район города, понимаем, что и где находится. Лидером среди топонимов, конечно, является «Колбаса». Это длинная «хрущёвка» с четырнадцатью подъездами. Улица Центральная, появившаяся вначале восьмидесятых, находится на окраине Черноголовки, а единственный многоэтажный район в Заречье, появившийся в конце нулевых годов, как бы в противовес старому городу, никоим образом не помогает ассоциировать эту улицу с центром города. Оригинальное расположение практически у всех улиц города, где они могут раздваиваться, как Первая или Лесная, или прерываться, а потом вновь появляться, где лидером, без сомнения, является Школьный бульвар. Попробуйте найти на карте дом №1 и №2 по этой улице. А также совместить в пространстве дом №13 и №14 по этой же улице. Сейчас с навигатором это легко, а вы попробуйте сделать это, выйдя на местность из автобуса, как это было ранее, и поспрашивать направление у местных. Весьма будете удивлены.

Спортивная площадка у Ближнего озера, где всегда было полно детворы (фото из архива А. Жаркова)

В рамках этой книги не стоит задача подробного описания жизни той далёкой по времени Черноголовки. Пробегусь по значимым понятиям для черноголовцев тех времён моего возраста. Дальнее озеро, которое теперь называют Северное, как и Южное озеро мы называли Ближним, куда мы периодически ездили купаться. Освещёнка – уникальное сооружение. Бетонированная кольцевая дорожка в лесу, освещённая фонарями. Все поколения наших земляков знают и любят этот уникальный объект.

Баскетбольная и гимнастическая площадка, так же, как и футбольный стадион – места паломничества спортсменов всех возрастов. Пятёрка – пятикилометровая кольцевая трасса в лесу. Её можно бежать с аппендиксом, а можно без него, и тогда это будет где-то на километр меньше. Полигон – лиственная часть ближайшего к Черноголовке леса, куда мы ходили за белыми, подосиновиками, лисичками и другими грибами, где на самом деле находится военный полигон, на котором в военные годы испытывали авиабомбы, откуда и такое большое количество воронок и от которого, в своё время, был отрезан кусок территории для образования Черноголовки. Казематы – хвойная часть леса, куда мы ходили за чернушками и свинушками, где располагались тогда три действующих подземных каземата лаборатории горения и взрыва ОИХФ, где проводили соответствующие исследования. Демонстрация – шествие с флагами 9 мая к обелиску погибшим воинам в д. Черноголовка и 7 ноября торжественный сбор у школы №82. Вместе с Новым годом – это были самые радостные праздники. И многое, и многое ещё.

Праздничная майская демонстрация по Первой улице к школе №82 (фото из архива А. Жаркова)

На время нашего поколения, как и на другие поколения людей в свои времена, выпало интересное и очень насыщенное событиями время. Мы хорошо помним время жизни в СССР, поэтому можем сравнить, каким оно было тогда и каким оно стало потом в 90-е годы, и как оно через нулевые пришло к нынешней ситуации. Каковы были взаимоотношения между людьми тогда и как они трансформировались с течением времени. Но глядя уже на своих повзрослевших детей, могу с уверенностью сказать, что для них и поколения, рождённого уже в нынешнем тысячелетии, Черноголовка, без сомнения, является любимым родным городом. И да будет так на все времена!

Норильск

Рустэм Любовский_ Так начинался Норильск

Первые норильские бородачи Первого норильского стройотряда. Костя Фирюлин, Слава Грачёв, Рустэм Любовский. 1969г.

⁷Когда в 1963 году я, окончив институт, по распределению попал в Черноголовку, там была всего одна улица Первая, застроенная двухэтажными домами, и та пока только с одной стороны.

Однако темпы роста молодого Академгородка были довольно лихие. Вскоре появились четырех- и девятиэтажные дома в соответствии с увеличением количества работников и научных сотрудников во вновь появившихся институтах. Летние отпуска, как правило, жители Черноголовки проводили на дачных участках, либо в туристических походах или в альплагерях.

НОРИЛЬСК ВОЗНИК СОВЕРШЕННО СЛУЧАЙНО.

В 1968 году в соседней с нами лаборатории в институте появился новый сотрудник физтеха Женя Гусаченко, из разговора с которым я узнал, что студенческий отряд физтехов в этом 1968 году ездил в Норильск строить на вечной мерзлоте многокилометровый водопровод для снабжения города нормальной питьевой водой. При этом Женя сказал, что за проделанную работу им хорошо заплатили – по 600 руб. Это была по тем временам довольно большая сумма, которая превосходила нашу зарплатку в институтах раза в три-четыре за тот же срок.

Я задумался. *А что если?*... Только как!? О Норильске я знал очень мало. Знал, что находится за Полярным кругом за 69 параллелью, а это значит, что, если да, то там круглые сутки будет светить солнце; знал, что это одно из крупнейших месторождений меди и никеля в СССР и очень многих сопутствующих материалов. А ещё в те времена по радио часто передавали песню, в которой сообщалось, что в Норильске «девять месяцев зима, а остальное – лето».

⁷ Рустэм Брониславович Любовский, д. физ.-мат. н.

Дома я рассказал жене Римме об этой идее. Она тоже нашла её довольно привлекательной, но как быть? Получив поддержку семьи, я утром в лаборатории рассказал об идее группе сотрудников. Поговорили, посудачили, но вопрос как? – оставался всё также открытым. На том и разошлись.

Утром иду на работу, а навстречу – Володя Веретенников – сотрудник одной из соседних лабораторий. Подходит ко мне и, улыбаясь, говорит:

– Это правда, что ты собираешь команду летом ехать в Норильск? – Я от неожиданности рот раскрыл:

– А ты откуда это знаешь?

– А мне Света Буравова – наша сотрудница сегодня утром рассказала. (Её муж Лев Буравов был одним из участников нашей вчерашней беседы).

– Да, Володя, это правда, мы вчера обсуждали этот вопрос, но как его решить, пока нет никакой идеи.

– А у меня есть: мой старший брат в школе учился с парнем, который сейчас живёт в Норильске и работает там директором одного из заводов.

От неожиданности «у меня в зобу дыханье спёрло». Вот это ДА, вот это удача!

– А ты ему можешь написать письмо о нашем желании?

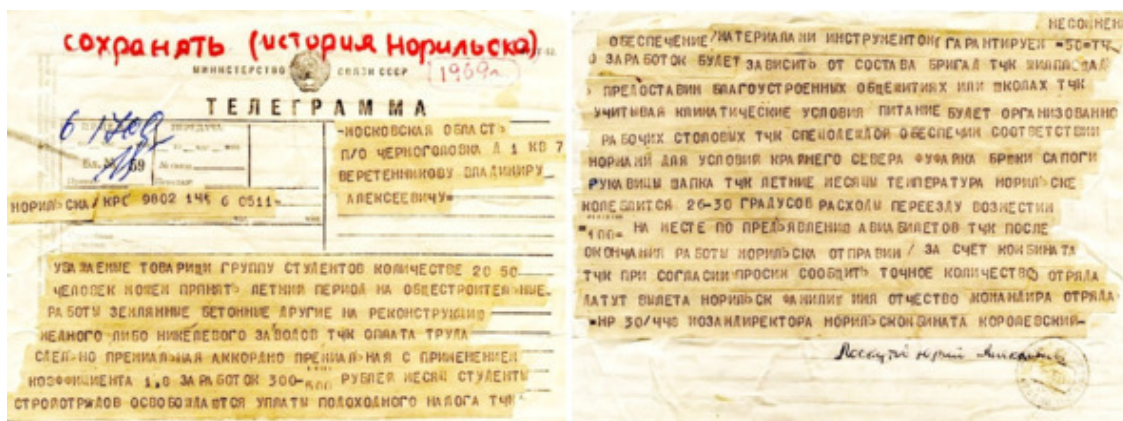
– А почему нет? Могу.

– Пиши, Володя, не откладывая, – сказал я ему на прощание и пошёл, вдохновлённый неожиданным разворотом событий, прикидывая в уме состав бригады из надёжных и хорошо знакомых мне парней.

Эта беседа проходила в начале февраля 1969 года. Прошёл февраль, март, апрель. Май близится к концу, а ответа всё нет и нет. Я уже начал свыкаться с мыслью, что, видать, судьба такая. И вдруг в конце мая звонит Володя и говорит:

– Пришла огромная телеграмма, около 150 слов. Приглашают! Приходи забери и создавай команду.

Ясное дело, через 5 минут я был в его лаборатории...

Телеграмма была подписана и.о.замдиректора Норильского горно-металлургического комбината имени А. П. Завенягина Королевским

Эта телеграмма явилась тем самым маленьким снежным комком, который привел в движение многодесятилетнюю лавину стройотрядов черноголовцев в Норильск и по всему Союзу.

Телеграмма, в первую очередь, активизировала действия 36 человек, записавшихся в отряд уже много месяцев назад и бывших в полном неведении, что планировать, если поездка не состоится. На общем собрании, проходившем в КОНе (корпусе общего назначения), сначала определили день отправления квартирьеров (их, пожелавших ехать, было 4 человека – Варган Бостанджиян, Олег Ефимов, Юра Тумашов и Рустэм Любовский). Решили, что весь

отряд прилетит 17 июня, а квартирьеры полетят на три дня раньше. К сожалению, в соответствии с пришедшей телеграммой пришлось отказать записавшимся ранее в отряд поварихам – Вале Абалевой и Саше Зварыкиной («Жить будем в благоустроенных общежитиях и питаться в столовых»).

Помню, лето в тот год в Москве было очень теплым, и мы четверо, даже не подумав, что за Полярным кругом может быть иначе, летели в летних рубашках с коротким рукавом. Норильский аэропорт Алыкель встретил нас северным ветром и снежной пургой! От самолета в здание аэровокзала не шли, а быстро-быстро бежали. Позвонив из будки аэропорта (тогда мобильных и в помине не было) условно знакомому нам другу Веретенникова – директору механического завода Лоскутову Ю. А. и получив от него приглашение, мы через полтора часа добрались до его квартиры.

В ней было два человека: хозяин с большой умной овчаркой и его друг главный редактор местной газеты «Заполярный железнодорожник». Юрий Алексеевич (хозяин) сразу заявил нам, что о работе мы будем говорить завтра утром в редакции газеты, а сегодня о жизни и исчез в кухне. Оттуда он вышел с миской черной икры и бутылкой хорошего коньяка. А у нас с собой тоже было – хороший коньяк, вино и московские сладости. Уходили мы в гостиницу поздно вечером, а рано утром были в редакции, где нас уже ждал вчерашний знакомый (ни фамилии его, ни имени не помню). Нам на выбор было предложено два варианта – город или тундра. Все дружно выбрали тундру.

– Тогда вам надо ехать на трамвае к зданию железнодорожного вокзала к генералу Новгородову Михаилу Дмитриевичу, он вас будет ждать, – последовал ответ.

В жаркую погоду спать в вагоне было душно. Вылезали на крышу, комаров сгонял ветерок

(Маленькая заметка, которая запомнилась на всю жизнь). Ожидая трамвай, мы разговорились с местной женщиной, спешившей на работу. За десять минут ожидания мы успели рассказать, кто мы, откуда, зачем приехали и узнать немного о жизни в Норильске. В пришедший заполненный вагон наша незнакомка вошла в первую дверь, а мы во вторую. Расстались. Ждем кондуктора. Вдруг слышим громкий женский голос: «Ребята из Москвы, я вам всем билеты взяла. Не покупайте». Это было очень неожиданно, непривычно, но очень приятно.

О подобной приветливости и гостеприимстве норильчан я в дальнейшем неоднократно слышал от многих черноголовцев, приехавших в Норильск уже после нас.

В большом здании трехэтажного вокзала мы сразу направились в кабинет директора, который нас уже ждал. Генерал Новгородов Михаил Дмитриевич, среднего роста с военной выправкой человек, поговорив с нами минут 15—20, вызвал своего заместителя по первой части Норильской ж. д. от Норильска до Дудинки (95км) Пилипенко В. Е. и сказал:

– Вот, передаю в твое распоряжение на 40 дней отряд работников института академии наук Москвы. Обеспечь их работой и всем, что необходимо для жизни. А вам, парни, – пусть ваш старший, если будут проблемы, обращается ко мне. Помогу решить.

После беседы с Новгородовым М. Д. квартильеры – Тумашов Ю., Бостанджиян В., Ефимов О. отправляются в кабинет его заместителя Пилипенко В. (справа). Слева позади главное здание Управления ж. д. Норильска

Не теряя времени, после короткой беседы у Новгородова мы отправились в контору Пилипенко, которая находилась недалеко от вокзала. Здесь наш новый начальник объяснил нам, что работать мы будем в 75 км от Норильска на станции «Тундра», куда сейчас нас отвезут на вызванной дрезине вместе «со всеми необходимыми для жизни» принадлежностями.

Поскольку стало ясно, что никаких обещанных столовых и уютных общежитий там не будет, то загрузили дрезину на весь отряд спальными принадлежностями и кухонным инвентарем. Выхода нет – готовить будем сами по очереди. Часа через три хорошо груженная дрезина вместе с нашей четверкой сверху отправилась в сторону Дудинки на 75 км в тундру.

Ехали мы долго: дорога Норильск-Дудинка была одноколейной, и нашей дрезине приходилось иногда уступать на полустанках путь встречным очень длинным товарным составам. Если в Москве уже было теплое лето, то здесь, в тундре, похоже, была ранняя весна. Вся тундра была в снегу, особенно много его было возле деревянных снегозащитных заборчиков, расставленных почти по всей дороге. Непривычным было видеть солнце утром с одной стороны, а вечером с другой – мы за полярным кругом. Теперь нам предстоит все 40 дней жить при солнечном свете.

Ужин в вагоне ресторане – самые приятные часы для общения и отдыха

Станция «Тундра» – это небольшой поселок из шести деревянных домов и магазина.

Местный начальник о нашем прибытии был уведомлен и сразу отвел нас в выделенную нам большую пустую комнату для всего отряда. Наша задача состояла в том, чтобы оживить ее и сделать двухъярусные деревянные стеллажи для прибывающих. Инструменты и материал нам привезли на следующий день.

С этим мы вполне успешно справились, и, когда через несколько дней приехал отряд, каждый из приехавших попытался поскорее выбрать себе место на стеллаже, чтобы, перекусив привезённым сухим пайком, скорее отправиться в сонное Царство. Дорога всё-таки ОТ Черноголовки ДО «Тундры» была довольно длительной. Несмотря на то, что солнце Полярной ночи (шестьдесят девятая параллель за полярным кругом) ярко светило в окна, в зале очень скоро наступила полная тишина.

Никто не предполагал, что через 2 часа надо будет быстро вставать и бежать на работу: на станции стоял длинный состав с щёбёнкой, который надо было довольно быстро разгрузить, и четверо рабочих во главе с нашим будущим мастером Петром Михайловичем Никритиным. Эта первая рабочая ночь в тундре оказалась удивительно запоминающейся по тем событиям, которые нас ожидали.

Станция «Тундра». 1969 г.

В. Абаляева и В. Петин едут на колесном ходу в магазин за товаром

Через 15—20 минут весь отряд в новой рабочей одежде собрался перед составом. Мастер быстро поставил задачу: взять кувалду или лопату, распределиться вдоль вагонов и при очень медленно двигающемся составе отбивать крючки на нижней крышке вагона. При этом крышка открывается и из вагона сыпется щебень. Коллега с лопатой следит, чтобы щебень не попадал на рельсы.

При неудачном или несвоевременном открытии крючка щебень может высыпаться на рельсы и вагон может сойти с них. Что, естественно, у нас и произошло вскоре после начала работы. Для нас, начинающих, это было настоящей трагедией, но не для мастеров! Вагон стоял на куче щебня в 20—25 см от рельса. Тихо посоветовавшись о чем-то, рабочие принесли спе-

циальный инструмент, называемый, кажется, «лягушой», и через час вагон стоял на рельсах, а еще через полтора часа пустой состав укатил с одноколейной дороги, освобождая путь другим поездам. Так неожиданно интересно и впечатляюще запомнился наш первый рабочий день в тундре.

Авария: иногда при подъёме полотна рельс балластером отрывались шпалы. Очень трудно было на четвереньках вытаскивать их оттуда

Так начинался Норильск.

Вячеслав Соляников__ Толковый Норильско – железнодорожный словарь 1-ой черноголовский бригады 1969 года

«**Балластёр**» – на бригадном сленге «шелешпер». Мощная железнодорожная машина. Электромагнитами вытаскивает и кладёт на грунт рельсы вместе с пришитыми шпалами. Скорость извлечения равна скорости движения балластёра по рельсам.

«Балластёр» – Мощная железнодорожная машина с электромагнитами

«**Бровка**» – край насыпи железнодорожного полотна. Мы её делали из щебенки. Оформление бровки знаменовало обычно окончание работы на данном участке. Работа это серьёзной не считалась.

«**Вагонка**» – небольшая тележка на рельсах для доставки рабочего инструмента на место работы бригады.

«**Гитара**» – она же реже «дружба» – совковая лопата- инструмент для двоих. Один – на черенке, другой – на проводе, т. е. уздечке, крепящийся двумя концами в ушах двух отверстий по бокам совка. Первую «гитару» сделал и показал в работе с Толей Дьячковым Валентин Лазарев – сотрудник столярной мастерской в ОИХФ. Инструмент очень производительный в умелых руках, он сэкономил много наших сил.

«Вагонка». Четверо в черных шапках (В. Петин, М.Г.Шпуга, Ю. Петров, Ж. Тонков) везут, беседуя, шпалы, а пятый – Варган Бостанджиян, еле видимый, в белой шапке толкает «вагонку» – что довольно тяжело

«Гитара» – она же реже «дружба» – совковая лопата – инструмент для двоих. Один музыкант стоит внизу (Варган Бостанджиян), второй – наверху (Юра Тумашов), наслаждается концертом Володи Петин

«Гондола» – грузовой вагон для сыпучих материалов. Разделён на отсеки, открываемые ударами кувалд или железнодорожного молотка поочередно по двум запирающим крюкам, после чего щебёнка компактно высыпается рядом с железнодорожным полотном.

«**Далдыкан**» – быстрая холодная симпатичная и чистая речка, место купание бригады в жаркие дни. «Дед Далдыкан» – кратковременный позывной Володи Мартемьянова. Автор позывного Петин Володя.

«**ЖСК**» – на сленге «жеска» – железнодорожная электростанция. Тяжеленный металлический трескучий сундук, запитывающий одновременно четыре шпуги, инструмента для уплотнения щебёнки под шпалами.

Слева: В. Щеголев (в центре) восхищается работой шпалоподбойщиков В. Бостанджияна и С. Грачева. Справа: В. Филипенко и В. Бостанджиян раздвигают костылем рельс, чтобы удалить зимние вкладыши

«**Земляки**» – Боярченко Валерий и Домашнев Игорь, термин появился после совместной их службы в Армии. Саша Столин служил с ними, но почему-то «земляком» не считался; географический казус.

«**Рихтовка**» – или рихтование, горизонтальное выравнивание участка железнодорожного полотна бригадой в 8—15 человек, вооружённых ломом. Работа требует идеальной слаженности действий, синхронности рывка ломов для смещения полотна железной дороги.

«**Секция**» – электричка на норильском языке.

Самая громогласная шпалоподбоекная машина. Второй слева – будущий известный академик Игорь Фомич Щеголев

«**ШПМ – шэпээмка**», ласково, – «дракошка». Самая шипящая и громогласная шпалоподбивочная машина по производительности примерно на два порядка превосходит шпугу (см. ниже).

«**Шпуга**» – фамилия Михаила Георгиевича, члена нашей Первой норильской бригады. Володя Рубцов присвоил фамилию Михаила Георгиевича в качестве названия подбойнику, ручному лопатообразному, обитому листовым железом инструменту для уплотнения сыпучих материалов под шпалами. Народ-языкотворец перенёс это название и на электровиброподбойники. Термин «шпуга» стал нерукотворным памятником нашей бригаде. За несколько лет после 1969 года он стал общеупотребительным на Норильской железной дороге (длина её около 300 км).

«**Щебёнка**» – родное после Норильска слово, правильно – щебень. В Норильске щебень – дробленая отработанная порода, продукт производства горнодобывающих предприятий.

Самый необходимый материал в работе. Часто возникали проблемы. Приходилось обращаться к начальству

Укладка запасного пути для разъезда встречных составов: С. Грачёв, В. Бостанджиян, И.Ф.Щёголев

Вячеслав Соляников __ Мой Норильск (воспоминания)

У Марины Цветаевой есть небольшое эссе «Мой Пушкин». Я читал его когда-то и думал: законное название. Великий поэт способен не просто оценить написанное другим великим поэтом, но и проникнуть в тайну самого процесса сотворения.

Моё заглавие, на первый взгляд, чистое нахальство. Норильска – города я практически не видел, был в нём один раз – один час времени, и то по делу.

Но... Мы много там работали, отремонтировали 8 км норильской железной дороги. В сделанное вложили часть души и все силы, которые имели в тот период жизни с условным названием «Норильск». Те полтора месяца – незабываемы. И каждый из нас, составляющих Первую норильскую бригаду, имеет право на рассказ с названием «Мой Норильск». Полагаю, я тоже.

Начало было таким

Ранней весной 1969 года мы с Рустэмом Любовским шли домой из Дома ученых в Черноголовке. До этого года наше с ним общение сводилось к участию в вокальном самодеятельном квартете, который сами мы скромно называли иногда СССР (четыре Славы – Грачёв, Сизов, Харитонов, Соляников + Рустэм Любовский). Идя домой, мы беседовали о чём-то, как вдруг Рустэм предлагает мне: " Слушай, поехали летом на Север! Поработаем бригадой, заработаем на жизнь...» Не помню, употребил ли он тогда слово «Норильск», но я понял, что его предложение не просто слова; в Рустэме чувствовался разведчик-первопроходец, нащупывающий пути реализации намеченной им какой-то операции.

Я легко дал согласие, не шибко веря, впрочем, в реальность предложенного мероприятия. Но Рустэм Любовский, как и Донбасс, порожняки не гонял. И в июне 14 дня 1969 года вечером институтский автобус доставил нас в аэропорт Домодедово; ночь мы провели высоко в небе, спустились и сели в заснеженной Хатанге на другой стороне полуострова Таймыр: Норильск не принял самолёт по погодным условиям.

И только тут я понял, что влип! "Куда ты попёрся, м.н.с.– дурачок, чего тебе было надо в этих снегах и по окна заснеженных изб? Сидел бы дома, играл бы на гитаре...» Примерно такой оптимизм объял меня в то время. Но... Объявили срочную посадку, полетели обратно до Норильска. Чуть меньше часа лёта и вылетаем из самолёта в Норильске.

Тёмные рваные быстро летящие облака, неуютный ветер, снег и сверху и под ногами; внизу снег мокрый и раскисший, идти неловко. Я потом в песне к фильму о нашей норильской эпопее так написал: «Норильск. Утро холодное, Норильск. Снежное крошево, ветер непрошенный. Так мы приехали в Норильск.»

Из аэропорта нас, бригаду черноголовских авантюристов, по железной дороге доставили на станцию «Тундра». Несколько одноэтажных, почерневших деревянных, типа изба, строений. Рядом железнодорожный путь.

День приезда в «Тундру» почти не помню, может быть из-за того, что не спал в самолёте. Не помню, где и что мы ели (а ведь ели), как получали рабочую одежду – тоже не помню. Весь спектр туалетных подробностей, ну хоть убей, не помню. Зато хорошо запомнил небольшое происшествие во время первой поездки по железной дороге.

В вагоне – столовой, со столиками по бокам, мы, несколько человек, готовились разливать чай. Потом как-то получилось, что я остался в вагоне один на один с пустыми кружками на столе. За несколько минут движения я понял, что такое Норильская Ж. Д. Вагон сотрясался, шарахался в стороны внезапно и сильно. Кружки при особо сильных толчках слетали со стола,

как выстреленные. Я ударился бедром о столик, но собрал кружки в одну группу на столе, охватил их руками и, присев за стол, стал ждать. Кто меня вызволил из этой ситуации – не помню.

Запомнилась первая ночёвка в Тундре на полу какого-то служебного помещения: тепло от печки, яркий свет лампочки, негромко скворчит радио, так его никто и не выключил.

Мне везло в «моём Норильске». Я много интересного увидел за те трудные неповторимые полтора месяца. Непосредственным свидетелем ярких нескольких событий был я, два из них произвели особо сильное впечатление на меня. В обоих случаях главные герои – норильские железнодорожники.

Вот случай номер один. Символично, что произошло описанное ниже в самый первый рабочий день. Ранним утром этого дня я проснулся от толчка Рустэма. Он был уже одет. Скомандовал: «Вставай и быстро одевайся» и принялся будить ещё кого-то. Накануне вечером меня предупредили, что завтра я дежурный и встать мне придётся пораньше. Непонятна была только потребность быстроты. Куда торопимся?

Тепло одетые в новую рабочую одежду вышли мы, несколько человек, на утренний морозец. Разобрали штыковые лопаты, одели верхонки, новенькие рабочие брезентовые рукавицы. Подошли к железнодорожным путям, где была группа местных людей во главе с мастером Петром Михайловичем Никритиным (имя это я узнал уже гораздо позже). Они оживлённо переговаривались, порой спорили, проходя мимо стоящего состава. Иногда приседали, что-то разглядывая под вагонами, опять шли и громко говорили, оживлённо жестикулируя. Я в этой лексике ничего не понимал: какой-то спецязык с редким вставлением «крепких» слов. А приглядевшись, я... не знаю, как описать это впечатление. Картина – «чёрный квадрат» отдыхает заодно с Малевичем. Несколько гондол (см. толковый словарь) состава, оказывается, сошли с рельсов. Оторопело глядел я на этот сюрреализм, производящий на меня дикое впечатление: вагоны, стоящие не на рельсах, а рельсы рядом с колёсами лежат.

Привыкнув несколько к реальности ситуации, я стал думать примерно так: и причём тут я и мое оружие, лёгкий штык – лопата? И вообще, что может сделать десяток людей в такой нелепой, чудовищной, как казалось ситуации?

Потом нам, новичкам, объяснили задачу: наши действия сводились к расчистке путей: из-за ошибки при разгрузке гондол щёбёнка накрыла рельсы и ...авария. На карачках мы примерно в течение часа очищали путь. Тут мастера ж.д. пустили в ход лягуши, горбатые стальные переносные штуки, действия которых сводились к следующему: их под нужным углом пришивали (прибивали) к шпале перед колесом сошедшего вагона. После чего мастер жестами руки, профессиональными сигналами давал на расстоянии команду машинисту. Тот осторожно двигал состав в нужном направлении, колесо сошедшего вагона наезжало на лягушу (она повыше рельса) и съезжало с нее прямо на рельс. При этом с самого начала операции состав расцепили в нужных местах и слегка растащили вагоны. Честно скажу: это было одно из самых удивительных зрелищ моей жизни.

С тех пор прошло 53 года. Черти что творят люди в науке, в технике, но то впечатление от спокойствия, умелости и особого изящества в действиях мастеров, от слаженности их работы – непоколебимо и забываемо.

Та авария, насколько я помню сейчас, была ликвидирована за 2 с половиной часа. Тогда я понял, что мы (бригада) будем здесь заниматься серьезным делом и несколько «окреп духом».

Второе событие имело тоже аварийное начало, произошло оно в утро нашего отъезда. Руководство дороги организовало для нашей бригады прощальный банкет в ресторане Норильска. Состоялся он вечером накануне нашего авиавылета.

На столах – марочный коньяк, шампанское, дорогие вина. Закуска – мечтательная (других слов не подберу), включая салат из свежих огурцов (овощи в Норильск летают на самолётах, цена их ого-го...). На банкете присутствуют три ж.д. представителя: такой привычный нам и обязательный Пётр-мастер и «двое в штатском» – начальник норильской дороги генерал

Новгородов М. Д. и кто-то из руководства в светлом костюме с простым лицом. Рустэм, представляя последнего, назвал фамилию и в шутку объяснил, что это есть «главщепёнка», именно он обеспечивал нашу работу этим дефицитным материалом.

Оба начальника вели себя просто и достойно. Новгородов открыл банкет, наполнив свою рюмку смесью шампанского и коньяка один-к-одному, и, объяснив громко, что эта смесь называется «Дружба», сказал тост за наше здоровье и нашу дружбу в будущем. На банкете он был недолго, а вот человека, номинированного как «главщепёнка», я увидел вновь и понял только утром перед нашей посадкой в секцию (так в Норильске зовут электричку). Так вот, перед этой самой посадкой минут за 20 до прихода секции выясняется, что двое наших забыли в покинутых вагончиках: один – весь заработок более чем в 1000 руб, а другой – билет на самолёт.

Начальник норильской железной дороги генерал Михаил Дмитриевич Новгородов приехал в гости к нашему отряду

Вагончики, наше жильё, стоят в километре отсюда и хорошо видны невооружённым глазом, но секция придёт вот-вот, а садиться в следующую – опоздаешь на самолёт. Положеньице – квадратный Малевич опять отдыхает. Что делать?! И вдруг к нашей отчаявшейся группе быстрым шагом подходит «главщепёнка». Выяснив в чем дело, он, подняв горизонтально руку и отходя с ней от нас, скомандовал: «Подойдет секция – влезайте и срывайте «Стоп-кран», сошлитесь на меня (называет фамилию... не помню). Горизонтально поднятой рукой он тут же остановил издававший виды проезжавший ГАЗ-51. Оробевшему молодому шофёру негромко сказал: «Вот этих двоих (один из них был Саня Столин) отвези, куда тебе скажут. Дождись и быстро с ними назад».

С замиранием сердца следили мы за «газоном», подъезжавшим к недавно бывшими нашими вагончикам, когда подошла секция. Мы вошли, кто-то прямо в тамбуре сорвал стоп-кран. Стали ждать. Трое в железнодорожной форме явились через пару минут и задали нам вопросы вежливо и строго. Услышав «фамилию», отступили назад и переглянулись. Минуты через четыре подлетел газон, двое наших, мысленно радостно воя, кинулись в наши объятия. Потом показался волшебник («главщепёнка»). Он, видимо, что-то выяснял с шофёром газона. Не входя в вагон и не повышая голоса, что-то коротко сказал троим в форме, те облегчённо вздохнули, развернулись и ушли. Секция, как ни в чём не бывало, продолжила путь в аэро-

порт. Мы группой, обалдевшей от радости, ввалились в почти пустой вагон и какое-то время, приходя в себя, молчали, думая.

Наш подарок начальнику ж.д. генералу Новгородову М. Д. – фанату футбольного клуба «Спартак» Москва, с автографами любимой команды

Позже Столин рассказал, что 2-ая черноголовская бригада, которая только прибыла из Черноголовки, уже заняла наши вагончики. Уже горел костёр, который сжигал всякий оставшийся хлам. Сашины рабочие штаны с 1000 рублей в кармане чудом не успели сгореть.

Поясню описанное. Норильская дорога – важная деталь всей таймырской жизни. Она связывает порт Дудинку с предприятиями Норильска. Роль порта в жизни Таймыра грандиозна. Морем и по реке Енисей сюда в короткий судоходный период везут всё необходимое для жизни и работы: сельхозпродукты, промтовары, оборудование и машины для производства... – всё, вплоть до пищевого этилового спирта (водку возить накладно – в ней много воды). Соответственно, перебросить всё это по местам призвана железная дорога, иных дорог на вечной мерзлоте не сделать. В то же время надо перебросить всё, что произведено на Таймыре, в порт. Отсюда напряженный ритм работы ж.д. и великая ответственность, но и большие полномочия руководства дороги, которое, как мы успели понять в день отъезда, известно живущим там в лицо и пофамильно.

Деталь: Новгородов вчера специально оставил своего ответственного сотрудника проследить за нашей утренней посадкой: банкет, то, се... мы же усталые до крайности, спиртного полтора месяца во рту не держали... Мало ли что. «Главщепёнка», спасибо ему, проявил себя деловито, решительно, быстро и без всякого начальственного шума и пыли. «Так мы покинули Норильск» – это уже слова из песни, прозвучавшие в фильме о нашей норильской эпопее. Оператор, режиссёр и продюсер Саша Хрущ.

Начиная эти воспоминания, я понимал, что дать сколько-нибудь стройную картину жизни бригады Норильск-69 невозможно. Во-первых, я просто один из рядовых членов бригады, на полноту и объективность описания в такой ситуации рассчитывать нельзя. Во-вторых, с тех пор прошло 53 года, очень многое забылось. В частности, я начисто забыл некоторые бытовые подробности. Не помню, сколько раз мы были в бане за полтора месяца, но одно посещение зато помню очень точно из-за деталей: мы тогда с Колей Денисовым здорово потеряли

спины друг другу. Не помню, каким образом брился. А вот то, что брился, знаю точно: свидетельство тому фотокарточки и пара кадров фильма Саши Хруща.

Озеро, из которого брали воду для умывания и чистки зубов

И я решил: опишу то, что хорошо помню, от случая к случаю. Каждый случай озаглавлю, как отдельный. Что и выполняю далее.

Чистка зубов Володей Петинным на станции «Тундра»

Начало работы нашей бригады связано с 4х-километровым участком ж.д. вблизи станции «Тундра». Несколько дней мы жили, точнее спали в одном из одноэтажных домов станции. Главное – там было тепло. С удовольствием возвращались мы в эту обитель после промозглой работы: талый снег, сырость, порой дождь, грязь, хмурое небо. Так стартовала наша работа.

Но дни шли, дело налаживалось. Мы постепенно втягивались в работу: овладевали штыком и совком (лопаты), ломом и подбойниками (инструменты для уплотнения грунта). Погода хорошела. Светлело небо, временами являлось солнышко. Стремительно росла глубокая, около полуметра, лужа напротив нашего жилья. (Позже нашу бригаду перевели на житьё в плацкартные вагончики. Еду мы поглощали в вагоне – столовой).

Эту лужу мы использовали для утренних и вечерних водных процедур: умывание, чистка зубов. Обычно мы вдвоём с Колей Денисовым отыскивали чистый заливчик, обходя лужу. Кружками черпали из него водичку и... за дело.

И вот в одно солнечное утро наблюдаем: рядом с домом стол, на нём двухведерный бак. По очереди подходят люди, отбирают в кружку водички, отходят... – цивилизация, санитария! Но мы помылись в очередном заливчике. Возвращаясь, встречаем Володю Петиннова: расположившись рядом с бачком, он старательно «шурует» зубной щёткой. Приветствуем друг друга и на его вопрос: «А вы в луже умывались?» – отвечаем утвердительно. Он достойно сообщает, что использует для этого воду из бачка! При нас, подставив кружку под краник бачка, убедился, что вода в бачке окончилась. Мы с Николаем досмотрели сцену до конца.

В это самое время подошёл Валерий Иванович Андрианов. Зафиксировав наличие отсутствия в баке воды и, ничуть не смутившись этим обстоятельством, взял бачок за ручку, затащил

его шага на три в лужу, зачерпнул воды и, выйдя, поставил его на стол. Потом набрал кружку воды и отошёл. Коля лучезарно улыбнулся, а я поспешил в домик, еле удержавшись от хохота. Выражение Володиного лица в ходе действий Валеры описать невозможно. Это было... Это надо было видеть.

Саша Хрущ

Норильск много отнял у меня: испорченные руки поставили крест на желании по-настоящему овладеть шестиструнной гитарой. Но Норильск и дал мне многое. Я не имею в виду деньги, хотя они оказались совсем не лишними. (К деньгам я всегда относился довольно равнодушно, не нервничал, даже если их не было).

Н. Капустин, С. Князев, **Саша Хрущ**. Р. Любовский перед выходом на работу

Лето 1969 года напомнило мне лето-осень 1958 года, нашу МГУшную северо-казахстанскую целину. Там я обрёл хороших товарищей: Бориса Ужинова, Глеба Абакумова, Колю Денисова. Кстати, завтра ровно 20 лет, как нет Николая Тимофеевича (я пишу эти строчки 30 октября 2022 года), человека, определившего мою судьбу, мой выбор Черноголовки как места работы и проживания.

Норильск тоже расширил круг моих товарищей. Встречаясь в Черноголовке с любым из членов Первой Норильская бригады, я всегда отмечал:– СВОЙ! Один случай особый, о нём подробно. Двигаясь как-то «в четвёрке со шпугой» (это из лексикона указаний нашего мастера Петра: «шестеро с ломом!.. и т. д.) по полотну, набивая щебёнку под очередную шпалу, я сначала заметил (шумно же!), а потом расслышал: Саша Хрущ что-то напевает. А когда я разобрал, что он поёт (видимо, тише стало), то не выдержал и спросил его, откуда ему известна эта песня. Саша объяснил, что это старая история, что он в университете в Горьком пел в квартете, а песню предложил аккомпаниатор Глеб Абакумов. Я тоже объяснил, что мы с Глебом в 58 году 2 недели рыли ямы разного назначения, а вечерами пели в гитарном сопровождении песни в громадном амбаре, ночью там же спали на стоящих впритык узеньких железных кроватях.

Хрущ вспомнил: «Да, да, он рассказывал о вашей целине», я тогда понял, что мой разговор с Сашей надолго... Так я нашёл хорошего друга и товарища из отдела Шилова А. Е., в котором работал и мой старый друг Коля.

Саша был удивительно отзывчивым и добрым товарищем. Много раз он выручал меня, я тоже помогал ему, чем мог, но душа у него, честно скажу, была шире моей. И кстати, о песне, которую исполнял Хрущ под аккомпанемент одной ЖЭС и четырех шпуг. Это была «Гитара», песенка неизвестного мне автора. «Вечер гаснет пламенем пожара, ночь на землю сходит, не спеша. О тебе поёт моя гитара, по тебя грустит моя душа». И пожары вечерние ярко пылали в казахстанской степи, и душа моя безответно грустила, не хватало только гитары.

Я понял, что без гитары мне не жить. Борис и Глеб (имена русских святых!) показали первые аккорды на семиструнке... и понеслось. Через год я сменил 7 струн на шесть, через 2 года ребята в общежитии пели под мою гитару: Борис охладел к гитаре, Глеб перешёл в Горьковский университет, а я навсегда остался с двумя гитарами, песней и инструментом, который подарили мне коллеги по лаборатории Е.Т.Денисова по случаю защиты диссертации в январе 1969 года.

Огурцы и щёбёнка

Одной из характерных черт нашей норильской эпопеи был непреклонный юмор. Дружеское, не злое, остроумное подкалывание было нормой. Свидетелем и участником одной мини юморинки был и я. Шесть человек, в том числе я и «земляк» Валера Боярченко, кончили работу и сели отдохнуть до скорого прибытия мастера и переброски нас на другое рабочее место. Кто-то прилёт, использовав как подушку ноги близидящего. Очередной ж.д состав останавливается рядом с нами, высовывается машинист и вопрошает: «Вы студенты?» Отвечаем утвердительно, так как кодовым названием «студенты» обозначали тогда нашу бригаду на Норильской ж. д. Тогда вопрошающий достаёт большой фанерный ящик с аккуратно написанным адресом и именем адресата: Грачёву Вячеславу Петровичу.

Мы подтверждаем принадлежность вышеизложенного персонажа к нашей бригаде, и ящик-посылка с просьбой передать ее адресату переходит к нам, а поезд следует дальше. Посылка была так называемая «Фруктовая» – без обвязки и сургучных печатей. Я слегка подумал и решил: освободить надо ящик от содержимого, а туда загрузить совок-другой щёбёнки и в таком виде вручить посылку нашему дорогому товарищу Грачеву В. П. Все, кроме «земляка», холодно приняли эту идею (усталые), но мы с Валерой сделали всё идеально и быстро: штыком вскрыли частично крышку с адресом, в образовавшуюся щель высыпали огурцы (содержимое посылки) в мой ватничек. Потом аккуратно ввели в ящик надлежащее по весу количество щёбёнки и аккуратно приколотили короткими гвоздиками крышку рукояткой штыка: гвозди точно вошли в свои гнёзда.

Буквально через несколько минут на нашу мелкую диверсионную группу набежал адресат посылки, крича издали: «Вы посылку не получали?» Получив ответ и самую посылку, Грач взвалил её на плечо и ушёл по шпалам, а наша шестёрка получила возможность безнаказанно порадоваться за товарища. Потом выяснилось, что вышеупомянутый машинист не поленился сообщить по дистанции, что посылка уже передана студентам. И была картина в финале рабочего дня: Впереди Грачёв В.П, за ним высокий Юра Петров с посылкой на плечах вышагивают по только что подбитым нами шпалам. Петров оступился, посылка звучно «грюкнула». Юра встал на месте и смачно выразился: «Грач, в посылке щёбёнка». «Ерунда,» – махнув рукой и ответив скороговоркой, -«там зелёные яблоки», Грач прошёл мимо нас. Петров следом возобновил движение.

Мы тоже двинулись к нашим вагончикам, к обеду, к короткому отдыху. Ватник с огурцами бережно был доставлен к моей лежанке (вторая полка), огурцы были высыпаны

на чистенькое зелёное шерстяное одеяло и прикрыты тем же ватником, а я пошёл мыться и несколько задержался на водных процедурах.

Вернувшись, я приподнял край ватника над огурцами и обнаружил россыпь щебёнки прямо на одеяле, это вместо огородных даров. Я не сильно огорчился (за всё надо платить), вынес щебёнку на одеяле, прямо из вагончика высыпал её на шпалы (зачем добру пропадать), вытряхнул одеяло. После чего привёл своё спальное место в порядок. В столовом вагончике (ребята уже дружно ели) дошёл до Славки и сказал ему на ухо: «Грач, огурцы в чистом ватнике – это изящно; щебёнка на одеяле – не есть здорово». «Ладно, ладно», – ответил он – " иди на своё место. Там...» рядом с моей заполненной (именно так) тарелкой лежал симпатичный, большой и пупырчатый огурец. Финал: Двое из шестёрки шпионили и наблюдали вскрытие посылки со щебёнкой. Ответом на моё: «И как это было?» последовало шпионское потряхивание головой с закрытыми глазами.

Повесть о том, как Саша Столин стал мужчиной

Читатель подумает, что речь пойдёт о чём-то аморальном; бог с ним, с таким читателем, хотя элемент аморальности в повести, конечно, будет: дело было в сугубо мужской не самой нежной кампании, место действия – участок ж.д. в районе симпатичной речки Далдыкан; как там бы сказали – на Далдыкане. Картина вполне обычная для того периода работы: Жаркий солнечный день ($t > 30$ градусов С – это-то в Норильске!!). Громко трещит ЖЭСка и четыре шпуги, человек 15 заняты работой.

А. Столин. Дежурство на кухне. 1969 г., ст. Тундра

Я подхожу к этой группе, конкретно к двум оживлённо беседующим человекам – Володе Мартемьянову и Саше Столину. Последний что-то говорит и аргументирует слова руками, Володя что-то отвечает, и, не глядя на него, продолжает орудовать штыком. Их слов мне не слышно – ЖЭС всё перекрывает. И вдруг: Саша кончил говорить и махать руками, застыв в странно-вопросительной позе. Володя молча втыкает штык в землю и многократно громко говорит: «Всем всё выключить, все – сюда!» останавливает работу, идёт и ждёт, пока группа

соберётся. Ребята, не спеша, сходятся. И немного подождя, Володя, похожий одновременно на матроса Железняк и бомжа-нищоброта, в наступившей тишине обратился к подошедшим: – «Ребята, только что Столин Александр сказал мне лично вот что дословно...» – и озвучил полновесно популярную российскую матерную аббревиатуру «Е.Т.М.». Дальше я наблюдал сцену, которую Гоголь описал бы примерно так: «Закачали седыми головами казаки. Иные плеснули руками и уронили их, не поднявши доверху. И потупили головы свои». Нет, не таких слов ждали от Саши, осквернившего впервые уста свои, наша Родина и Володя Мартемьянов. Что скажет мама Саши, что скажет молодая Сашина жена, когда горькая весть докатится до их ушей; не веря, они заставят свидетеля страшного события повторить всё, вместе с Сашиними словами...

Ну, хватит про Гоголя. Сашка стоял красный и молчал. Минуты через 3—4 этого коллективного воспитательного развлечения кто-то включил ЖЭС, четверо взяли шпуги, остальные потянулись на рабочие места. Володя тоже, отдохнув, взял свой штык.

Немного о мате вообще. Недавно я прочёл в авторитетной газете о попытке лингвистического анализа радиопереговоров пар лётчиков-истребителей (ведущий и ведомый) в процессе воздушных боёв в ходе ВОВ. Фактически- матерщина с редким вкраплением нормальных слов. Специалисты объяснили, что мат такого рода есть специальный, профессиональный, высоко информативный скоростной язык боя. К ругани и оскорблению нравственности никакого он отношения не имеет, хотя звуковая схожесть очевидна. Имея за плечами норильский опыт, я легко принимаю изложенные выше выводы лингвистов. С той добавкой, что умелый хороший мат позволяет сбросить эмоциональное напряжение не только самого матерщинника, но и окружающих. А напряжения как физического, так и эмоционального в той нашей работе была ого-го сколько. Вот и употребил Саша, культурный еврейский мальчик, талантливый научный работник, то, что употребил, убеждая в чём-то Володю. А тот мастерски использовал ситуацию, чтобы дать передых ребятам, сбросить накопившуюся нервную усталость. Добавлю: при наших женщинах-поварихах мы никогда не выражались. Я лично, приехав домой, т.е. сменив условия, ритм и само содержание жизни, перестал пользоваться этим языком за ненужностью.

О народе Лесото и беседах его короля с машинистом

Это история – часть истории народа Лесото в составе нашей 1-ой норильской бригады. Численность народа четыре человека: Юра Петров (рост 2 м, «столб» в баскетбольной команде ОИХФ), Юра Шекк (член той же команды, весёлый, остроумный человек), Костя Фирилин, человек во всех смыслах ценный. И конечно же, Лёша Боков, невысокий ростом некоронованный король упомянутого народа. Вся эта «Лесотиана» была выдумана фантазией Юры Шекка, остальной народ бригады против народа Лесото ничего не имел и порой поддерживал его право на существование. Например, лично я однажды, идя на своё место в вагоне-столовой и видя всю четвёрку за столиком с авторучками в руках, склоненную над листками бумаги, заинтересовался: «Народ Лесото пишет письмо своим женщинам?» Шекк немедленно пояснил: " Пишет письма своим белым женщинам.» Я удовлетворился сказанным: разные народы имеют разных женщин. Сочувственное отношение к этому народу в бригаде было общим, юмор был в ходу. Но король Лёша дал однажды большого маху. Отсыпая бровку в начале 30 километра, он забыл, что на нём футболка красного (королевского!) цвета. А красный цвет на железнодорожном пути – сигнал тревоги. Остановка состава – обязательная реакция машиниста на этот сигнал. Машинист состава, гружёного итальянской (судя по надписям) горнодобывающей техникой, остановил электровоз рядом с Лёшей. Сначала он, видимо, выяснял причину тревоги. Потом долго выступал. Слов мы не слышали – далеко было. Король Лёша внимательно слушал выступление машиниста, задрал голову. Машинист использовал кабину

электровоза как трибуну, за неимением броневика. Тут следует внести некую ясность: тридцатый километр – это начало крутого подъёма, сложный участок. Для его преодоления тяжёлый гружённый состав обычно разгоняют задолго до начала подъёма. Королевская футболка, видимо, прервала начало разгона. На наших глазах состав с разговорчивым машинистом дважды сдавал далеко-далеко назад, разогнался и пытался одолеть подъём, но неудачно: скорости не хватало. Возвращаясь (это тоже было два раза), электровоз оба раза останавливается рядом с королём, который к этому времени уже сменил цвет одежды на траурный, машинист продолжал разговор. С третьего раза тяжёлый состав взял подъём и ушёл навсегда, переговоры железнодорожника с королём Лесото прекратилась. А мы, свидетели общения Лёши и машиниста, точно уяснили: красного на путях – ни-ни!

1000 и Панов

Славке Панову в день расчёта с нами выдали тысячу десятками, крупные купюры кончились. Он, нимало не смутившись, тысячу в виде двух пачек по 50 штук десятков запихнул в ничтожные нагрудные кармашки нарядной рубашки с мини-рукавами; пачки примерно на треть своей длины выглядывали из карманов. Потом Слава, чуть отойдя, неловкими пальцами (ох уж эти руки Норильска 69) надорвал пачку сигарет, достал одну, с наслаждением закурил, встал в сторонке, расслабив одну ногу, сложив руки под тысячей, и уставился в никуда.

Ну, не было в 1-ой норильской художника-портретиста. А достойная натура – была!

Девушка на пути

Строчка из песни поэта Льва Ошанина: "Норильчонок, девушка с морщинкой гордеца».

Однажды мы рихтовали колею после ремонта. А девушка шла мимо нас по шпалам. Вышеизложенной морщинки незаметно было, но горделивая поступь норильчанки – это было – да! А мы были на её фоне, как грязные изношенные веники на фоне букета цветов.

Ломами мы двинули как раз, когда она шла по концам шпал с другой стороны пути. Эффект был неожиданный: она потеряла равновесие, ее как ветром сдуло со шпал на насыпь. Похоже, испугавшись внезапного движения опоры под ногами, она, как говорят китайцы, потеряла лицо. Придя в себя, по куриному встряхнулась и молча ушла, но уже другой походкой. И вот тут Володя Мартемьянов, выпрямившись и проходя вдоль нашей тихой шеренги с ломами, объявил молодецким голосом с гусарской интонацией: «Дёрнули девочку!» Мы молчали, переживая уникальный эпизод.

Два интимных момента в 1-ой норильской

Исходная 1-го момента – высказывания Валентина (фамилию опустим); я тогда задержался... с омовением, предшествующем сну. Пришёл в спальню (вагон), когда ребята уже залегли по своим местам. Устраиваю на место умывальные принадлежности, а Валька, лёжа и явно продолжая разговор с Толей Дьячковым, высказывает: «Сейчас бы девочку, молодую», – он похлопал рукой рядом с собой.

Команда рихтовальщиков за работой. Позируя, ждут команды горлового: «И-и-и-и раз!»

Один вариант реакции слушателей рельефно выразил Игорь Домашнев. Он проворно развернулся со спины на живот на верхней полке и мечтательно, но громко произнёс: «Эх, и посмотрел бы я: Ну что же ты с ней стал бы сейчас делать!» Никаких вариантов мнений больше не было. Я залез под одеяло.

Второй момент, думаю, потряс всю бригаду. Я не был свидетелем (дело было в другом вагоне – спальне) и тоже при отходе ко сну. Так вот, Володя ЭН (это и последующие имена изменены), лёжа на верхней полке, вдруг громко объявил: «Вот приедем в Черноголовку, надо будет Галку...». На месте многоточия должно быть древнерусское слово, обозначающее действия Володи в отношении изложенной выше Галки, Володиной жены. У Грачёва, поведавшего мне эту былинку, искрились глаза и была готовность N1 расхохотаться: «мы чуть с полок не ссыпались...».

Проблема интима в Норильске не мучила. Игорь был прав в скептическом обращении к Вальке (см. выше). Бессонница не имела места. Мучило вот что: если засыпал с прямыми пальцами, – утром их было не согнуть в кулак. Если засыпал с кулаками, – утром их было не разжать. У меня есть фото, Валера Андрианов щёлкнул нас с Колей утром перед работой: Николай приветливо курит, а я с перекошенной рожей сплёл пальцы опущенных рук. Разминаю кисти перед делом – больно.

Понос и 1-ая норильская

Было такое: нечто типа эпидемии. Судя по массовости заболевания (более 10 человек) болезнь была связана с качеством пищи. Это было в самом начале нашей жизни на станции «Тундра», пока ещё к нам не подъехали наши поварахи. Позже, когда пищу стали готовить наши чудо-поварахи Валя Абаляева, Саша Зворыкина и Римма Любовская, массовое поражение личного состава не имело места быть, но индивидуальное – изредка имело; видимо, руки надо было мыть лучше.

Я живо помню клич перед отходом ко сну Володи (Вартана) Бостанджияна: «Парашютисты, за мной», молчаливая команда поражённых отправлялась по деревянным мосткам к нужнику, удалённому метров на 60 от жилого дома. Почему так далеко? Дома в тундре на сваях, сваи в мерзлоте, сверху единое пространство талой весенней воды. Если нужник недалёк, то

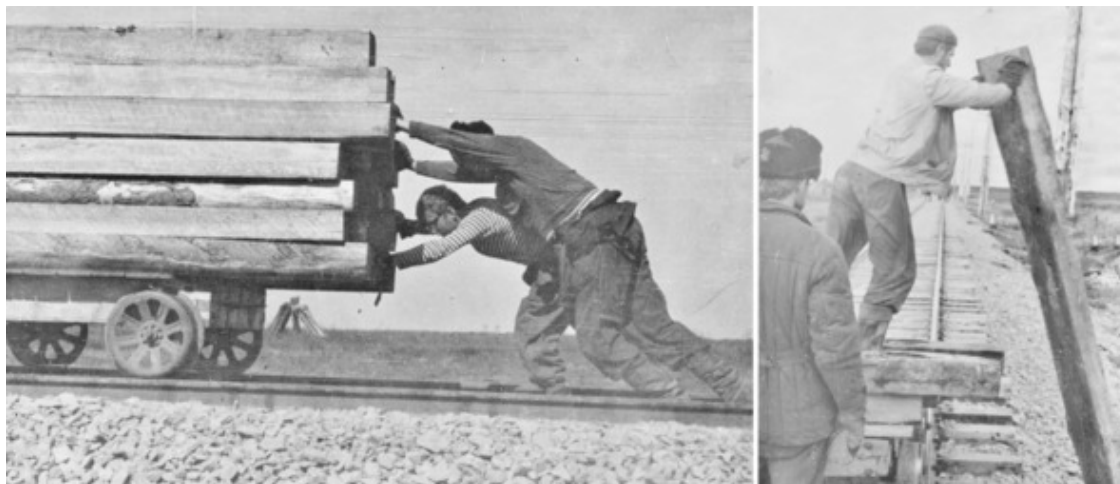
сделанное в нём, весной приплывёт под окна жилья. Кто-то скажет: «Ну и что смешного во всём этом?» Смешно было ниже Саше Хрущу (смотри далее).

...Тридцатый километр, у меня эта самая болезнь на букву «пы». Минут 20 назад вернулся я на рабочее место из зазеленевшей красавицы тундры, оставив в ней некрасивый след. Я уже сделал пару таких походов. Ожидая третий, ковырял лопатой рядом с Сашей Хрущом, который иногда повторял: «Посиди, Слава, или полежи». Я знаю: полежать – можно и не добегать в моей ситуации, секунды тут решают всё. И вот оно – опять. Дальнейшее – молчание. Вернувшись из очередного «похода», я застал Хруща обессиленным от смеха. На просьбу объяснить веселье он сказал: «Да лопата твоя... Да швырнул бы ты её...". Он в сердцах уточнил адрес, куда я мог бы швырнуть лопату. Оказывается, я от боли в животе потерял соображение и пытался вручить Сашке лопату, повторяя: «Подержи, пожалуйста, Саша. Я сейчас». Пока я «гулял», он хохотал. Мне совсем смешно не было. Да и вообще в этом рассказе – что в нём смешного?

Вопрос

«Норильский вопрос» давно стоит передо мною нерешённым. А именно: Почему мы так работали, как оглашенные? Что было стимулом: заработать деньги или что-то другое? Не раз я думал над этим и так и не решил.

Изложу свою индивидуальную «кочку» зрения. В Норильск я ехал изначально «за кампанию». В перспективу большого заработка совсем не верил и поэтому об этом совсем не думал. Думал я так: а когда мне ещё представится возможность «на халяву» съездить к Полярному кругу, глянуть на север своими глазами? А вдруг ещё и вправду заработаем рублей по 150—200 – это же вообще... Число 150—200 определялось моей психологией; моя месячная зарплата тогда была 110 руб. Полгода назад я защитился, но от утверждения меня в качестве кандидата хим. наук до кандидатской прибавки жалования ещё было минимум полгода. И даже потом, когда я получил эту «тысячу», радости не было особой, так тяжело она мне досталась (понятно, что не только мне одному, но я излагаю свои впечатления).

Слева: надо быстро сбросить шпалы, чтобы освободить путь. Вдали показался поезд. (К. Фирюлин, В. Грачёв). Справа: шпалы К. Фирюлиным и В. Грачёвым разгружены в кратчайший срок

Позже выяснилось, что «тысяча» обошлась мне гораздо дороже, чем всем остальным ребятам: я так изуродовал обе руки, особенно правую, главную руку гитариста, что о серьёзной игре на гитаре (была такая мечта до Норильска, она проводилась мною в жизнь) пришлось забыть. Пачка нот на полке много лет стояла без употребления с 1969 года.

И всё же я никогда не жалел, что съездил в Норильск; деньги тут ни при чём, хотя они естественногодились: сын Ромка в этот год пошёл в школу...

Просто хороших ребят собрал Рустэм в 1-ую Норильскую. Не было за время работы никаких ссор, даже в последние дни работы, когда накопилась нервная усталость. Взаимное уважение и поддержка в ходе тяжёлой работы – так там было. Разноплановый юмор – он всегда был наготове. И весьма ценился нашим обществом.

Ну и конечно, была молодость, были уверенность и гордость типа «А я смогу», «да я и это смогу», «я всё могу»! ... Даже когда сил уже не было. Примеров последней ситуации помню несколько, приведу один. Помню было на тридцатом километре: жаркий день, но работа уже окончена. Мы медленно тянемся к своим вагончикам: сейчас ополоснуть лицо и руки, ужин, спать... Но нет! Навстречу нам наш возбуждённый мастер Пётр машет руками, при этом чётко заметна виноватая интонация в голосе: «Ребята, срочно надо..., да понимаю, устали..., но надо! Так оставлять нельзя! Здесь всего по семь колодцев на „гитару“, щебёнка рядом.».

Мы молчим. работа серьёзная. Он отвёл нас на участок: метров 50 дороги, новенькие белые шпалы лежат просто на земле, рельсы пришиты. Картина похожа на оскаленные зубы. Колодцы (пространства между шпалами) пустые, аккуратные кучки щебёнки рядышком с рельсами. Видно, что гондолы разгружались только что, стоя на участке.

Уже хорошо – бросать недалеко и удобно. Понеслась! Мы с Игорем Домашневым в паре, сперва он на черенке, потом поменялись... Закидали мы эти колодцы, как последние в жизни. Во время секундного перерыва в работе я (сил уже не было) глянул напарнику в лицо: глаза Игоря дымились от усталости (так, во всяком случае, я это увидел), и мысль мелькнула у меня в голове: «да если крепко сбитый земляк так наелся, то мне сам Бог велел». И мне – полегчало. И мы кидали, кидали и закидали щебёнкой эти колодцы, будь они трижды неладны. А дальше я это день не помню. Зато последующие 50 лет, встречая Домашнева Игоря Анатолиевича в Черноголовке, я ощущал доброе его «дыхание» ко мне, получал крепкое рукопожатие с гулким «Здравствуй, Слава!», внимательный взгляд глаз, внезапно задымившихся на тридцатом километре норильской железной дороги в 69-ом году.

Эпилог

Кратко о том, что мы сделали за время пребывания в Норильске. Мы отремонтировали 8 (ВОСЕМЬ!) километров сложных, потенциально аварийных участков дороги: подьёмы, повороты, мосты, станционные участки. Разнокалиберные по весу и по форме, тяжеленные смолёные чёрные шпалы, положенные прямо в землю ещё в 30-х годах двадцатого столетия, мы заменили на беленькие, квадратные в сечении шпалы из драгоценной лиственницы. Беленьким смоление не нужно, эти шпалы в условиях севера не гниют. Мало того: мы положили под шпалы щебёнку, дроблёный камень, обеспечив на будущее надёжный дренаж. Это важно: промерзание сырого грунта вызывает со временем неконтролируемую деформацию пути и его аварийность.

Помню, стою, смотрю с высокой точки на весь изогнутый участок «Тундры», на котором мы только что полностью закончили работу. Рядом мастер, невысокий мужичок, локальный хозяин этого участка (имени его не помню). Помню, он из Владимира, несколько лет назад вынужденно (болезнь, нервы) сменил место работы (ткацкая фабрика) и жительства на северные («сейчас-хорошо... На свежем воздухе работа..., голова» – потряхивает головой) «в порядке»).

Слава нашим поварихам В Абаляевой и А. Зварыкиной. Тундра 1969г. Норильск

Так вот, он тоже глядит на свой участок и медленно, негромко выговаривает: «Вот она, лежит путь. Ништо ей теперь. 10 лет ничего не надо будет. А ведь каждый день, бывало, латали. Теперь... Ничего ей.» А я, слушая это, осознаю от нас здесь реальная польза. **Реальная!** Здорово! Участок на «Тундре» – 4 км. Впереди, как потом выяснилось, было ещё 4 км.

«Метрик за метриком – 8 километров, было под дождём, а было и под ветром,...» – но это уже из песни к фильму Саши Хруща о нашей жизни и работе в Норильске.

Прошло очень много лет и чтобы вспомнить всех (или почти всех) участников трудовых будней понадобилось очень много времени и усилий.

Список Первой норильской бригады 1969 года:

Абаляева Валентина, Андрианов Валерий Архипов Валерий, Боков Алексей, Бостанджиян Варган, Буравов Лев, Грачев Вячеслав, Денисов Николай, Довбий Евгений, Домашнев Игорь, Дьячков Анатолий, Ефимов Олег, Зварыкина Александра, Капустин Николай, Куликов Иван, Лазарев Валентин, Любовский Рустэм, Любовская Римма, Мартемьянов Владимир, Панов Вячеслав, Петин Владимир, Петров Юрий, Рубцов Владимир, Скворцов Владимир, Соляников Вячеслав, Столин Александр, Тонков Евгений, Тумашов Юрий, Филипенко Владимир, Фирюлин Константин, Хрущ Александр, Шувалов Виктор, Шпуга Михаил Георгиевич.

Апофеоз Норильска-69: кассиры В. Мартемьянов и В. Бостанджиян раздают заработанные деньги

Олег Ефимов __ Норильск 1969

К сожалению, к моему позднему возрасту воспоминания о стройотрядах в Черноголовке стали отрывочными, фрагментарными. Я путаю даты, забываю имена и даже последовательность событий. Ну вот эти отдельные эпизоды.

Предложение о поездке в Норильск от Рустэма Любовского было для меня подходящим. Обычно я летом отправлялся в горы, в альплагеря, где работал инструктором, или в экспедиции. Так продолжалось 14 лет. Но после экспедиции на пик Коммунизма в 1968 году ситуация поменялась.

Наш профсоюз, который относился к Минсредмашу, перешел к Министерству общего машиностроения. Для меня и моего друга Анатолия Рабинькина это означало смену нашей команды альпинистов на новую в обществе Zenit, где мы пока никого не знали.

В связи с этой неопределенностью я решил сделать перерыв в летнем альпинизме и дал согласие Рустэму на Норильск. Это тоже романтика, ветер странствий, заполярье, о котором я много читал, имена исследователей Урванцева, Ушакова, строительство горнохимического комбината под руководством Завенягина, труд заключенных, описанный Солженицыным.

Ко всему этому хотелось прикоснуться. Из своего отдела кинетики и катализа я пригласил Колю Денисова, Витю Шувалова, Славу Панова и Сашу Хруща – моих друзей, увы, уже ушедших из жизни. Кроме того, я напросился в передовую группу в составе самого Рустэма, Бостанджияна и, кажется, Тумашева.

Норильский аэропорт нас встретил неприветливо после зелени и раннего тепла в Черноголовке: по взлетному полю мела поземка. Нас радушно встретил в своей квартире редактор местной норильской газеты, который заодно был близким знакомым одного сотрудника нашего института Веретенникова и нашим контактным лицом в Норильске. Прием был прост и незамысловат. На столе стояли бутылки нашего и хозяйского коньяка и в качестве закуски черная икра, которую брали столовыми ложками. Под столом спала сытая хозяйская собака.

На утро нам предложили варианты: работу в Норильске на комбинате либо железную дорогу в тундре. У меня уже был опыт работы на горно-химическом комбинате в Усть Каменогорске. Еще та романтика, и, почувствовав знакомый запах сернистого газа, я немедленно настоял на тундре.

Станция, на которую нас отвезли, так и называлась «Тундра». На ней красовался лозунг **«Будущее принадлежит людям честного труда»**. Все ясно и пояснений не требуется.

Предоставили большое помещение, совершенно пустое, и выдали матрасы. На них и разместились ребята, прибывшие вслед за нами. Пока без женщин поварих. Их роль взялись выполнить Слава Смирнов и Юра Шекк (увы, их тоже нет в живых). Нам показали, где в снегу прикопаны туши северных оленей. Они с наступлением весны кочуют севернее, спасаясь от гнуса, и пересекают рельсы по деревянному настилу, так как боятся железа. В толкучке многие погибают и замерзают. Но оленина, менее жирная чем говядина, на вкус приятна и хорошо сохраняется под снегом. Так или иначе, жизнь пошла, и работа началась почти сразу. Нас подняли разгружать подкладки для рельсов. Какое это время суток было сказать трудно. В Заполярье световой день не прерывается. К этому быстро привыкаешь. Особенно когда видишь за окном ребятешек, играющих в футбол в полночь.

Надо сказать, что весна в тундре наступает стремительно. Вдруг появляются большие проталины со свежей зеленью, на них – одуванчики «Хлопок тундры» с плотной белой головкой и, наконец, загораются оранжевые жарки, букетами из которых мы встречаем наших поварих Римму Любовскую и Валю Абалеяву (опять тот же грустный рефрен, и сколько же я живу, где Вы мои дорогие?!). Впрочем сугробы для оленины в тени строений долго держатся.

Работа не такая уж замысловатая, особенно под руководством опытного мастера. Срываем старые 12,5-метровые рельсы (еще Демидовские), укладываем балласт – крупную щебенку, меняем шпалы, затаскиваем новые уже 50-метровые рельсы, кладем на подкладки и зашиваем их большими гвоздями (наверно со времен Христа).

Заколачивание гвоздей, называемых костылями, требует особой сноровки, лучше делать это за 2—3 удара. С этим легко справляются местные женщины, а мы частенько мажем мимо и долго потом добиваем. Впрочем, Игорь Краинский (наш электрик – светлая ему память) бьет точно, но никому не доверяет свой молоток (свой секрет).

Ну и конечно, затем следует работа со шпалоподбойкой для уплотнения балласта под рельсами. Штука тяжелая, вибрирует, разбивает суставы рук, вечером их приходится размачивать в теплой воде, при сгибании они щелкают.

Шпалоподбойку окрестили кличкой «шпуга» по фамилии одного из наших отрядовцев. Не знаю почему, мужик скромный, тихий, был взят для писания нарядов, но в этом качестве не пригодился. Просто попал на острый язычок кажется Славе Соляникову. Было и еще одно изобретение со времен египетских пирамид – совковая лопата с привязанными к совку проволоками, соединенными под резиновую рукоятку. Напарник направлял лопату под особым углом Эйлера – Скворцова (Скворцов, математик из наших, предложил термин), другой напарник рывком тянул совок за рукоятку на себя и щебенка легко перебрасывалась по назначению.

Л. Буравов, В. Бостанджиян, В.Рубцов, В. Боярченко, 1969г., мастера работы на электрошпаловиброподбойке (электрошпуге)

Все вместе это называлось «лопата Дружба» (иногда Шлюха). Я прихватил из альпинистского снаряжения страховочный пояс и карабины. Это позволяло легче перетаскивать тяжелые домкраты на лямке, переброшенной через плечо. Особенно это нравилось красавцу и богатырю Славе Грачеву.

В общем смекалка, конечно, помогала. Рельсы требовалось укладывать правильно, и вначале за этим следил мастер, пользуясь специальным прибором меркой с уровнем, но потом он стал доверять эту работу и некоторым из нас. Так же, как и определять плавный уклон пути – «стрелять», ложась на рельсы и прицеливаясь на мерную рейку.

Для выполнения поворотов нужно было строить «эпюру». За ее расчет взялся Саша Столин, математик и теоретик. Посмотрев на его работу, мастер вздохнул – «слишком мудрено, проще на глазок». Получилось. Большой шутник Саша Столин сильно картавил (как и я). При передвижке рельсы ломачами он был «горловым» – давал команду, но вместо «и раз» Саша кричал «и два». Самым веселым горловым был Саша Семенов (тоже светлая память), он сопровождал команды легким солдатским «матерком» и работа шла на ура.

Меня интересовало как эту самую северную в мире дорогу строили зэки. Мастер сказал, что рельсы укладывали прямо на снег, он зимой под ветром становился твердым как камень, а летом правили, подсыпали щебенку. Вот поэтому наша работа и называлась подъемкой. Надо было нарастить толщину слоя балласта, иногда довольно значительно, кажется до 30 см и выше. Это позволяло сохранять вечную мерзлоту под балластом – хорошим теплоизолятором.

Засыпка ж. д. полотна после балластёра

Жили зэки в бараках, как и положено людям честного труда, и кормить их старались по возможности прилично, рабочую силу берегли. Охраны было мало, все равно бежать было некуда. Специалистов набирали просто, арестовывали старшие курсы из Московского института инженеров транспорта (МИИТ) и посылали в Норильск (за что? – тогда с этим проблем не было).

Будущий нарком Завенягин считался хорошим хозяином комбината. Наладить такую работу в Заполярье архисложно. В дальнейшем он стал одним из руководителей атомного проекта. Люди, отсидевшие и выжившие в Норильске, делятся воспоминаниями неохотно, уезжать на юг России (это предлагается) не хотят. После лишнего микробов полярного воздуха они на юге часто болеют и живут недолго. Один из мастеров рассказал мне, что приехал в Норильск на железную дорогу из большого сибирского города добровольно, захотел сменить городскую нервотрепку на спокойную обстановку в тундре. Мужик простой и непритязательный, но деловой.

Нас водили на экскурсию на комбинат. На переплавке никеля мы обзавелись красивыми, похожими на сталактиты никелевыми чушками. Любопытно, что инженеры с производства

стараятся устроиться на шахты простыми шоферами на грузовики БЕЛАЗы. Там хорошо платят и воздух свежий.

Центр Норильска Гвардейская площадь и прилегающие улицы спроектированы в Ленинграде (не Санкт-Петербурге) и на него похожи. Дома на сваях – берегут вечную мерзлоту, стоят квадратом – спасение от ветров, каждую весну красят заново, зимой ветер сдирает краску. Я однажды ездил за кастрюлями для поварих и не удержался купил для них маленькие розочки. Их привозят с Большой земли самолетом. Молочных продуктов много – сметана, творог, но все из восстановленного молока, то есть порошка. Поэтому все густое. Все равно вкусно.

Через некоторое время нас из Тундры перевезли на участок дороги вблизи аэродрома Алыкель и мы стали жить в вагонах по двое в купе. Мы жили с Сашей Хрущом очень дружно. Но однажды к нам попросился кажется Эдик Ягубский, он жил в купе с мастером Петром Михайловичем. Мастер мог на ночь принять стакан водки и богатырски захрапеть. «И кричит усатый злодей, эй, Рустэм, поднимай людей» – это о нем написал Сережа Щепинов. Злодеем он казался только утром, в остальное время «был он друг нам и отец, сколько верст намеряно». Но Эдик все-таки очень страдал от храпа. Впрочем, в эту же ночь после вселения к нам мы услышали с верхней полки отчетливый, интеллигентный храп нашего постояльца. Заразился от мастера бедолага.

В гости к поварихам приходили солдатики из небольшого караула, стоявшего около «парусов» огромных металлических антенн, находящихся невдалеке от нас в тундре. Точное назначение этих сооружений я не понял, но солдатики говорили, что перед ними можно погреться (какой же это диапазон радиоволн?), но долго нельзя – детей не будет.

Около нашей стоянки было озерко, верхний слой воды был теплым, но ноги нащупывали лед. Для купания нужно было быстро скинуть плащ, одетый на голое тело, окунуться и сразу залезть под плащ. При промедлении мгновенно тело покрывалось слоем комаров. Тоже происходило при прогулке в туалет.

На насыпи мы надевали на голову авоськи, смоченные репудином. Мимо ехали вагоны с детишками на отдых. Детишки хохотали, глядя на нас. В футбол местные играли часто без маек, было тепло, комары своих не жрали. Мы тоже смеялись – когда проголодаешься, просто вдохни поглубже, комариного мяса хватит. Приятный теплый ветерок из тундры приносил нежный запах цветов. Летом тундра очень красива.

Короткая минута перекура у Володи Филипенко с любимицей отряда. Справа: Особенно доставалось от комаров Володе Рубцову. Уж очень они его любили

Поварихи трудились на славу. Однажды они решили порадовать нас скоблянкой из свежего сига. Увы, сырая рыба была непривычна, но под комиссаровские сто грамм пошла за божью душу.

Запомнилась еще поездка в Дудинку, конечную станцию дороги на берегу енисейского залива. Скромные домики, какие-то портовые сооружения, в общем крайний север. А дальше Ледовитый океан. И люди живут, питаюсь северным завозом по морю с Большой земли в короткие летние месяцы. И по-своему счастливы. На станции Тундра жили обходчик с женой, в субботу они напивались в стельку и мутузили друг друга, наутро гуляли в обнимку по насыпи. На жизнь не жаловались.

Ну и напоследок. Слава Соляников написал хорошую песню: *«Метрик за метриком восемь километров, было под дождем, а было и под ветром...»* В ней все сказано. Вышедшие из комсомола тридцатилетние парни с молодым задором поднимали эту дорогу, построенную зеками, и очень нужную городу. Они положили начало движению стройотрядов из Черноголовки в Норильск, а потом и далее по всему Союзу.

В последний день нашей работы в Норильске был прекрасный веселый банкет, устроенный начальником дороги генералом Новгородовым, после которого Коля Денисов, ложась спать рядом со мной, выпил пачку пенталгина. Толстую пачку заработанных денег он оставил запросто лежать рядом. На утро мы сжигали на костре заношенные продырявлянные зековские ватники (мода на спецодежду не менялась). И кто-то внезапно вспомнил, что в кармане ватника осталась трудовая зарплата, и, к счастью, успел вовремя вернуться и вытащить ее из огня.

Едем на обед своим ходом, Тундра, 1970г.

Ребята улетали в Москву. Но Любовским Римме и Рустэму, Вите Шувалову, Славе Панову и мне захотелось еще романтики. Мы двинулись в Дудинку, где ради нас задерживался дизель-электроход «Антон Чехов». ЕНУРП – Енисейское управление речного пароходства дало команду дожидаться нас. Енисей широк настолько, что по временам берега исчезали в тумане. Прошли Курейку – место, где отбывал ссылку вождь народов. Виднелось какое-то сооружение вроде купола над домом, где он жил. Неугомонный Рустэм организовал в кают-

компании самодеятельный концерт, где мы пели песни «чуть охрипшими голосами», а он показывал веселые сценки. Призом от капитана была бутылка шампанского, с едой было туго и мы питались шоколадом из буфета. У Казачинских порогов наш корабль встал в сплошном тумане. А сроки посадки на самолет в Красноярске нас поджимали. Как только туман рассеялся, мы пересели на быстроходную Ракету на подводных крыльях и вовремя успели в аэропорт.

По приезде домой первое, что я купил, был пылесос – моя давняя мечта, и принялся отсасывать родных черноголовских комаров, которые вряд ли по свирепости уступали братьям в тундре. И спал я тихим и блаженным сном.

Альфа Иванович Михайлов⁸__ Норильские жарки

Жарки

Жарки, норильские жарки,
Я видел пламенное поле.
То тундры пламень, солнца доля
На двадцать три часа и более.
К ночному солнцу понемногу
Я привыкал. Кивали мне
Жарки- цветы на тонкой ножке,
Как будто маки, но в огне.
Жарков букет я нес по мху
И кланялся я каждой кочке,
Когда увидел наверху
На электронной нотной строчке
Высоковольтная гитара
Струны три в такт перебирала.
Я огляделся, склон горы
Разрезал путь сквозной и торный.
Из чрева матери земли
Как расписные корабли
Текли руды вагоно – тонны.

⁸ Альфа Иванович Михайлов, д. хим. н.

В. Мартемьянов, И. Домашнев, В. Боярченко и жарки всегда на столе

На скальном выходе стоят
Заводов трубы. Медь и никель
В печах прожорливых кипят.
Цветы жарки мои поникли
От жара пламень передав,
Металла, бронзы многопудье.
Так сотворил Норильск Талнах,
Свой памятник Земле и людям.

Татьяна Невельская __ Норильск, 1970

Невельская Татьяна Ивановна 1939 года рождения. В 1969 году окончила МХТИ им. Менделеева и по распределению приехала в Черноголовку в Институт химической физики АН СССР.

В 1970 году мои друзья Валерий Штейнберг и Зина Мильникова пригласили меня поехать с ними в Норильск поварихой – помощницей Зины, которая уже ездила туда в этом качестве. Да и бригада была небольшая всего 10 человек хорошо знакомых людей. Я поехала с ними.

Помню, что мой рюкзак весил чуть больше 30 кг, так как кроме личных вещей на 40 дней, я взяла с собой мясорубку, ножи, ведро моркови (так было сказано на собрание отряда) и толстенную поваренную книгу. А куда же без неё в такой ситуации?

Когда мы приехали в Норильск, то оказалось, что кроме нашей бригады из 10 человек с двумя поварихами туда же приехала ещё одна бригада из пятнадцати человек (старший А. Аверсон), но без поварихи. Ну, вот меня и перекинули к ним.

Кроме черноголовцев там было много незнакомых людей из Ногинска, Долгопрудного, ещё откуда-то. Я очень огорчилась сложившейся ситуации: разместили нас на территории между кирпичным и цементным заводами, где стояла небольшая конторка, а кухни не было вообще, – соответственно ни воды, ни газа. Что делать – жить как-то надо. Поплакала, поплакала и взялась за работу.

Многоопытные товарищи из отряда Николай Зеленов и Валерий Еронин построили из шпал кухню с земляным полом и сложили кирпичную печурку с плитой. Вот и все удобства. Хорошо ещё, что электричество протянули. Жила я в несколько километрах от кухни около железнодорожного депо в вагончике, а вся бригада – в школе неподалёку от конторки и кухни. Я добиралась до кухни рано утром в 4:00 на попутных машинах. Хорошо ещё, что в июле-августе там стояли белые ночи, поэтому было не так страшно одной ездить.

К 7:00 утра нужно было приготовить мясное блюдо с гарниром, кашу и чай. Однако всё это очень непросто на плите, заправленный дровами и углём. Но мне повезло: недалеко от моей кухни был ж.д. переезд, где постоянно шло дежурство. Завязала знакомство, потом и подружилась с женщинами, дежурившими там. И они мне стали немного помогать. Часа в 3:00 ночи (я заранее заготавливала в печке дрова и уголь) они зажигали мне огонь в печи, где на плите стояла огромная кастрюля с водой и к четырём-пяти часам вода уже закипала. А в это время я добиралась уже до своей кухни, и всё шло как нужно. Успевала приготовить и мясное, и кашу с чаем.

И так каждый день – завтрак, обед и ужин, иногда при «аккордных» работах ребят – с ночным перекусом часа в 2:00 ночи. В бригаде было около 15 человек. Точно не помню, но часто обедали 2—3 человека из Норильска – итого 18 человек.

За 40 дней был один выходной, когда я с тем же помощником Николаем Зеленовым ездила в Талнах и не просто так, а купить три пылесоса по заказу парней из нашей бригады. Красота по дороге была сказочная – все окрестности покрыты изумительно цветущими жарками.

В бригаде был один особенно капризный едок Анатолий, который требовал каких-то деликатесов. «А где соус?», – бывало заявлял он. Пришлось готовить и соус, так что поваренная книга оказалась кстати.

Вот так и прошли 40 дней наших трудных работ. Но всё-таки, несмотря на тяжёлый труд как наших мужчин, так и мой, эта поездка оставила в памяти самые яркие и острые воспоминания на всю жизнь.

Норильск, Хабаровский край – п. Чкаловский, берег Чёрного моря

Вартан Бостанджиян⁹ __ Мы в 1969 году за 69 параллелью по глобусу Земли

Вартан Бостанджиян с любимицей отряда

Большинство научных сотрудников («научников») приехали в Черноголовку (тогда ещё посёлок) в начале шестидесятых годов и к концу этих лет некоторые из нас бессеребренников обзавелись уже своим приплодом (по закону всей живности). Но так как на весьма скромное довольствие от родной АН СССР невозможно было более-менее существовать сносно даже нашим малым «ячейкам общества», их ответственные главы решили вместо отдыха в отпуске на всяких там Канарах-Турциях искать дополнительный приработок на стороне. И эта первая «сторона» оказалось очень далёкой в пределах нашей необъятной страны.

По наводке Володи Веретенникова мы связались с механическим заводом в Норильске, на котором и предполагали поменять нашу нематериальную физическую силу на их материальное деньги.

Норильск

Сначала прилетели в Норильск эмиссары: Рустэм Любовский (бригадир), Вартан (Володя) Бостанджиян, Олег Ефимов и Юра Тумашов. Рустэм, поговорив по телефону с директором упомянутого завода, вышел из будки с растерянным лицом и, как-то странно улыбаясь, сказал: «Он, по-моему, пьян».

Когда мы нашли нужный дом и квартиру, дверь нам открыл совершенно трезвый человек, а нужный нам лежал в соседней комнате на диване (никакой) рядом с громадной овчаркой. Когда мы объяснили встретившему нас кто мы, что мы, зачем и сколько нас, он изви-

⁹ Вартан Арташесович Бостанджиян, к. физ.-мат. н.

нился, что нужный товарищ «не совсем в форме» и, выйдя в соседнюю комнату, принёс две хрустальные вазы с чёрной икрой и шоколадными конфетами. Извинился, что больше ничего не нашёл. (Оказалось: давеча праздновали чей-то день рождения, хозяин повздорил с женой, собрал со стола всё в скатерть и вынес на двор в контейнер). «Но у нас с собой было»: бутылка водки, бутылка коньяка. И мы пили наше горькое, ложками заедая ихней икрой и закусывая конфетами. Когда выяснилось, что встреча на высшем уровне не состоится, гостеприимный гость, провожая нас, сказал: «Ничего страшного, приходите завтра в городскую редакцию газеты „Заполярный железнодорожник“ и там что-нибудь придумаем».

В. Бостанджиян вгоняет костыль в шпалу с двух ударов

В редакции нас встретил ещё один незнакомец, который представился главным инженером железной дороги (ж.д) Норильск – Дудинка – Норильск. Он предложил нам ремонт ж.д и, если мы отремонтируем её метров 4000, то обещал нам по 800 рублей. От таких цифр у нас отвисла челюсть, но мы её быстро подобрали, делая вид, что нам не впервой ворочать такими суммами. Ведь мы, собираясь в зону вечной мерзлоты, думали заработать в месяц рублей по 200—250 против наших домашних 105—120.

В тот же день, часа в 23 светлой полярной ночи, погрузившись на ж.д дрезину АС1А, мы двинулись по тундре в сторону Дудинки. Поодаль от дороги, в тёмной ещё траве тундры, местами виднелись белые кости падших оленей. (Кстати, некоторые товарищи привезли себе домой потом рога, видимо, не надеясь на жен, оставшихся без присмотра в разлуке).

Проехав часа четыре по спящей ещё тундре, остановились на станции с названием «Тундра», на которой развеселил нас уведомляющий (предупреждающий?) лозунг на фронтоне станционного дома: **«Будущее принадлежит людям честного труда!»** – от нашего смеха и шума проснулись немногочисленные жители этого одноэтажного дома.

Вечером за дружеским столом мы ближе и тепло познакомились с начальником участка дороги, где нам предстояло оставить о себе неизгладимый железный след. Узнав о том, что представитель управления ж.д за определенный объём работы обещал нам выдать по 800 рублей, нижестоящий начальник за дружеским застольем сказал: "Если вам обещали по 800р, я, думаю, натяну до 1000." Тут уж от таких цифр «у нас» в зобу дыханье спёрло», и мы восклик-

нули: «Да мы за такие деньги завтра с утра начнём растапливать тундру своими пятыми точками», совершенно не представляя, какая нам предстоит работа.

Когда через 2 дня приехала основная бригада, мы, получив северное обмундирование, для мужчин в большой комнате сколотили двухъярусные нары, а для трех наших стряпух-кормилиц в соседней комнате с печкой и отдельным входом организовали постели с бельём. Бельё, правда, вскоре исчезло (и не только бельё), но также быстро оно было обнаружено, так как уж слишком узок был круг подозреваемых в этом злодеянии.

В начале вся тундра была пропитана талой водой, везде были лужи-озёра, начинавшиеся буквально у порога станционного дома, везде были проложены деревянные мостки. Несколько дней мы умывались и Чистые зубы водой прямо из лужи, пока не обнаружили, что она соединяется с таковой же у заполненного туалета вдалеке.

Нам, в основном, было по 30 лет, но бригада (по налоговым льготам) считалась студенческой, что вызвало сомнение у начальника, изрекшего: «Что-то вы не очень похожи на студентов, особенно тот товарищ», указав на существенно старшего остальных. Мы сказали, что он аспирант. (Его Рустэм пригласил со стороны как специалиста по закрытию нарядов в конце нашей работы).

Погода дней десять была холодная и очень неустойчивая. Однажды при сильном ветре со стороны океана, когда снег-дождь летел буквально горизонтально, мы через 2—3 часа настолько промокли, что даже парусиновые плащи и мощные телогрейки не помогли, (некоторые в последних долго гуляли даже в Черноголовке). В этот день на работу мы больше не выходили.

Вскоре распогодилось погода да так, что тундра за день-два расцвела мгновенно разнообразием трав и цветов и трудно было поверить, что ты находишься на севере: при постоянной температуре около +30 градусов и ярком солнце. Мы к концу работы так загорели и забородели, что в Черноголовке говорили: «Вы, наверно, не там и не тем заработали деньги». Но с теплом мы вкусили и другие прелести этих широт: появились тучи матерых комаров, которые особо свирепствовали поздно квазиночью, от них потная одежда на спине выглядела серой.

Дней через 10 нас в двух вагонах перебросили ближе к Норильску. Один вагон как спальный мужской был оборудован двухъярусными кроватями, второй условно разделён на три секции: «женская половина», столовая-салун со столами на 4 персоны и кухня.

К тому времени наш «аспирант» изнемог и отработал своё. Когда он вернулся в Черноголовку, в ней прошёл слух, что вернулся «человек оттуда». Некоторые жены пришли навестить его, чтобы узнать, как там наши, – увидели измождённого человека, лежащего на диване, как на смертном одре. Под впечатлением увиденного наши сердобольная жёны прислали посылки со свежими овощами и просьбой: «Бросайте всё, никакие деньги нам не нужны, вернитесь живыми и здоровыми».

Работа на ж.д была разнообразная, но однообразно тяжёлая. Рабочий инструмент был тяжёлый железный, от долгого орудования которым сильно опухали суставы пальцев.

Ремонт ж.д полотна состоял из нескольких последовательных операций. Сначала лапой (громадный гвоздодёр) выдёргивание костыли (громадные гвозди) из шпал, подлежащих замене, затем домкратами, немного приподняв полотно и несколько подкопав около шпалы сильно уплотнённый грунт, громадными щипцами вытаскивали или выдёргивали шпалу прочь и на её место засовывали новую.

Далее под каждый рельс подкладывали большую металлическую подкладку и затем, наконец, один подвешивал лапой новую шпалу вплотную к рельсу, а второй (опять же) громадным молотком пришивал её костылями к рельсу. (Старые, очень мокрые, тяжёлые шпалы складывали рядом с дорогой, думая часто при этом, «как же их таскали, по-видимому, не совсем здоровые и сытые заключённые, которые много лет назад строили эту дорогу»).

Слева: Слава Грачёв и Лев Буравов. Последняя шпала в воздухе. Пора освободить колею. Справа: ложе для шпалы уже приготовлено. Пора поместить шпалу на своё место

Затем совковой лопатой-дружкой, изобретенной нами, засыпали полотно дороги щебнем из насыпи (опять же вдвоём), когда один внизу пыжился набрать лопатой щебёнку и кинуть её наверх, а второй сверху вожжами из проволоки резко натягивал лопату с грузом, чем существенно облегчил работу нижнего. Далее шла рихтовка (выпрямление) полотна на всей ж.д, когда 10—15 человек с ломом, встав в нужном месте рядом с загогулиной и воткнув лом под небольшим углом «от себя» впритык рельсу, строго по команде «и-и-раз!» резко тянули ломы «на себя».

Результат рихтовки контролировал мастер, сидящий на рельсе и внимательно следивший за изменением положения полотна после рывка ломовиков. (В этой процедуре, как и при переноске длинного рельса группой товарищей, можно было незаметно сачкануть, лишь удерживая, а не дёргая свой лом.) рихтовка могла длиться очень долго в зависимости от того, насколько сильно было искривлено полотно после установки шпал.

Последние процедуры на дороге была утрамбовка щебня под шпалами с помощью вибрирующей шпалоподбойки (в просторечии – шпугами).

Некоторые товарищи, приехавшие на север не только «за туманом тундры», часто пытали Рустэма вопросом: «Что мы тут заработаем?», на который он всегда успокаивал народ фразой: «Зачем приехали, то и получим», – и когда недели через две он приехал из Норильска и сказал, что нам закрыли наряды пока по 500 руб, народ, побросав всё на дороге, устроил в тундре половецкие пляски (плясали усердно даже вопрошавшие).

В. Боярченко, В. Мартемьянов, В.Рубцов, В. Шувалов, И. Домашнев (ВВВВиИ). «Земляки» – Боярченко Валерий и Домашнев Игорь

По окончании всех работ нам заплатили по 1135 рублей, на всех порядка 40.000. Бухгалтер сумку с деньгами запер в сейфе, а ключ отдал Рустэму. Когда он пришёл к нам, а мы тогда кончали последние работы, и сказал, где лежат деньги, народ заволновался: а не украдут ли их оттуда, поскольку знали о них не только мы.

Решили всю ночь дежурить у конторы до утра. Первыми на дежурство заступили я (Вартан) и Рустэм. Сидим на ступеньках одноэтажной деревянной конторы с «железным» оружием в руках; кругом тишина, полярная ночь – светло. Через час-полтора Рустэм и говорит: «Слушай, Вартан, а давай сами украдём свои деньги. Ты меня поднимешь на плечи, а я вскрою форточку или выну стекло и просочусь как-нибудь внутрь». (Молодые были!) Так и сделали: я его подсадил, он немного повозился с форточкой, открыл ее и нырнул внутрь. Дальнейшее всё шло как по маслу: открыл сейф, сумку с деньгами передал мне и вынырнул сам, предварительно наведя порядок с форточкой. Драгоценную сумку спрятали в вагоне под моей кроватью. На другой день весьма оживлённый народ жаждал получить, наконец, «то, зачем приехали». Рустем поручил мне и Мартемьянову (как самым честным?, которые не позволят себе спрятать в руках ни одной купюры из кучи) раздать деньги по списку под подпись каждому в руки.

В этот же день руководство железной дороги организовало нам шикарный (обильный) прощальный банкет с танцами и просило нас приехать ещё.

Последний день в Норильске. На лицах радость и веселье. Скоро электричка доставит нас в аэропорт. А оттуда и до дома недалеко.

Что мы и сделали на следующий год с не меньшей результативностью. В этот же год, когда после нашего приезда домой в Черноголовке прошёл слух о нашем неслыханном заработке, спешно собралась ещё одна бригада, которая поехала в Норильск по-нашему следу и вернулась, когда уже там начались морозы и выпал снег.

Хабаровский край, ПМК, посёлок Чкаловский

В середине семидесятых годов наш отряд был приглашён на работу в Хабаровский край, ПМК (передвижная механизированная колонна) – посёлок Чкаловский.

Как это обычно мы делали, в середине июня на место будущей работы выезжали наши квартильеры, чтобы предварительно познакомиться с местом будущей работы и обустроить встречу отряда. Рано утром три наших представителя покинули гостеприимный борт самолёта в аэропорту Хабаровска и отправились на железнодорожный вокзал трансконтинентального поезда Москва-Владивосток.

Следует отметить, что в это время были довольно напряжённые отношения с Китаем из-за событий на острове Даманский. Поскольку в Хабаровском крае поезд проходил по приграничной зоне, то билеты на него продавались при наличии специального разрешения от местных охранных властей. Имея на руках список бригады с паспортными данными, мы пошли в эти органы, чтобы получить это разрешение, но там стояла огромная толпа из нескольких десятков человек, желающих того же самого.

Мы пришли в полное уныние от этой картины и решили попытаться счастье в кассах ж.д. вокзала, надеясь на своё обаяние. С мольбой в Голосе мы объяснили милой кассирше, кто мы такие и что попали в безвыходное положение, поскольку завтра прилетает бригада, а получить пресловутое разрешение сегодня не можем. И, прикинувшись идиотами, спросили, не может ли она продать билеты, так сказать, «за красивые глаза». На что она ответила: «Купите свободно билеты до Уссурийска, а по дороге выходите, где хотите».

Мы чуть было не уточнили услышанное действительно идиотским вопросом: «А как же запретная зона?» Усомнившись в правильности понимания услышанного, мы этот же вопрос

задали ещё двум кассирам. А затем поступили так, как они сказали. После этого мы послали домой телеграмму довольно загадочного содержания: «В Хабаровске покупайте билеты до Уссурийска, а выходите в Чкаловской».

Когда на следующий день рано утром мы собрались выйти из поезда на нужной нам станции, всё-таки боялись, что нас встретит вооружённые пограничники с овчарками. Слава Богу, всё обошлось «малой кровью» – всего дополнительной тратой двух рублей на билет до Уссурийска (Ну что нам эти два рубля, когда мы ехали за тысячей).

Работа в Чкаловском ничем не была особо примечательной- стройка, бетон. Запомнился лишь монтаж из металлоконструкций большого ангара.

Из бытовых приключений запомнилось то, что нас там обворовали. Однажды мы заперли барак, в котором жили, и строем с песней по улице через весь посёлок пошли в общественную баню.

Когда мы чистые вернулись к нашему жилью, оно оказалось тоже несколько «обчищенным». Пропало немного из одежды, которую мы развешивали на гвоздях, вбитых в стенку, и некоторые рабочие инструменты. Экспертиза установила, что это дело рук мелкорослый шпаны. Они залезли в окно, одежду сдёрнули с гвоздей и согнули их. Следы этой шпаны не трудно было установить и, застигнутые врасплох, они все вернули.

Берег Чёрного моря в 40 км от Туапсе

После того, как наш трудовой десант черноголовцев оставил неизгладимый след своей деятельности на Севере, Дальнем Востоке, Сахалине, по инициативе его неутомимого организатора Рустэма Любовского десант был брошен на юг нашей огромной страны.

В 1963 году после окончания института Рустэм ездил с группой студентов на время летнего отпуска во Всероссийский пионерлагерь «Орлёнок», который находится на берегу Чёрного моря в 40 км от Туапсе, работать вожатым.

По старой памяти летом 1976 года он договорился с руководством лагеря о том, что мы как «большие специалисты» можем помочь в его строительстве с условием, что и жить будем на его территории, а территории свободной у лагеря было ещё очень много.

Идем всем табором в «Орленок» на комсомольский праздник. Приглашены!

Десант части нашей бригады на юг отправился в новом формате – с семьями (домочадцами). Когда подъезжали на поезде к Туапсе был сильный ливень, что, конечно, нас очень огорчило. Но стоило поезду остановиться у ж.д. вокзала, он как будто наехал на небесный «выключатель» дождя и «включатель» солнца. На ждавшем уже нас лагерном автобусе мы поехали туда, где нас, думается, уже ждали.

По пути, где местами дорога шла близко к морю, наблюдались следы разбушевавшийся накануне стихии: много отдыхающих «дикарями» в плавках сушили вдоль дороги свои матрасы, одежду, палатки. Ночью водяной столб смерча оторвался от моря, вышел на берег и, зацепившись за вершину горы, прорвался как полиэтиленовый пакет с водой. Водяной вал помчался с горы, сметая местами в море всё на своём пути: камни, деревья, машины и т. д. После говорили, что были и человеческие жертвы.

В лагере нам выдали нужное количество палаток и спальных мешков, и мы поставили наш лагерь в лесочке недалеко от кромки моря. В день приезда мы занимались обустройством своего будущей места жительства. Отхожее место оборудовали под открытым небом на взгорье: информацию «занято – свободно» давало положение верёвочки, перетянутой поперёк тропинки, ведущей к вожделенной цели.

На другой день представитель из лагерного управления показал нам место предполагаемой нашей работы и сказал, что нам нужно строить. Как-то само-собой возник вопрос о весьма скромной возможной плате нашего труда (по сравнению с норильской). От полученной информации, на душной жаре вблизи вожделенного моря, у нас «строителей» заметно снизилось настроение и оживлённое веселье. Заметив это, чуткий работодатель сказал: «Не хотите работать, живите просто так!»

К нам вернулась оживлённое веселье.

Литературный час в лагере. Читаем сказки

Прожив в свободном ритме где-то неделю, купаясь в море и бездельничая, мужики-добытчики задумались всё-таки о какой-нибудь подходящей работе. Отряд-то большой – около

40 человек, половина дети от 2 до 15 лет. Каждый день надо ходить в посёлок Ново-Михайловское 2,5 километра за продуктами. Бродя наобум по улице посёлка, набрали на контору плодово-овощного совхоза «Тенгинский», где нам с готовностью предложили работу на овощной плантации по её прополке от сорняков и сбору овощей и фруктов, оплата ежедневно натурой. Это нас вполне устраивало, так как наша большая орава каждый день хотела кушать, да и в магазин с рюкзаками не весело ходить ежедневно.

Праздник Нептуна в лагере. Бог моря вместе со своей дочерью-наядой сидят в креслах и задают загадки слушателям

На работу и обратно возил нас на машине ГАЗ-51 водитель Искандер, на этой же машине Искандер возил нас всегда в Ново-Михайловку за необходимыми продуктами. На работу мы ездили посменно по 8—10 человек смешанной группой. Посменно работали в лагере и две поварихи. В громадном саду фрукты были почти собраны, но нам всегда хватало. Иногда мы по работе собирали падалицу под деревьями и грузили в тракторную тележку. При нас местные женщины-работницы собирали орех-фундук, как говорили «местную валюту». Нам, многозначительно улыбаясь, советовали не злоупотреблять этим фруктом, ибо «без жён полезете на стенку».

Как-то собранный орех, после ухода местных, остался в мешках под проливным дождём. Бригадир в полном отчаянии сказал, что, если оставить орех в мокрых мешках, он «сгорит» и его (бригадира) сурово накажут (чуть ли не судом). Мы поспешили успокоить его, сказав, что отвезём куда надо. Под дождём загрузили машину Искандера мешками с верхом и уже лёжа на них повезли гибнущую «золотую валюту» в Ново-Михайловку. Там на больших весах взвесили вес брутто и рассыпали орех небольшим слоем на бетонированной площадке для дальнейшей обработки товара (уже без нас). Благодарность бригадира не берёмся описать. В лагерь приехали поздно ночью с чувством гордости за сделанное благородное дело.

Черное море подарило нам прекрасный спортивный снаряд. Дети прекрасно им пользуются

Вспоминается ещё один наш героический поступок. Как-то море сильно штормило, мы, сидя в будке на берегу, играли в карты. Из-за шума волн едва услышали крики на море, выскочили и увидели две человеческие головы, то появляющиеся, то исчезающие в больших волнах. Прыгнули в эту бушующую стихию, добрались до измождённых борьбой с волнами молодой девушки и парня, общими усилиями едва зацепились за берег. Ребята были настолько испуганы и замучены, что говорить не могли. Мы их оставили прийти в себя в надёжном месте на песке и вернулись в палатку.

Как вела себя оставшаяся в лагере часть отряда, хорошо видно на фотографиях, а с погодой нам очень повезло.

По окончании работы в саду-огороде нам разрешили набрать сколько угодно разных фруктов, которые мы привезли в Черноголовку как заработок этого года в отпуске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.